

«Нет повести печальнее на свете...»

У. Шекспир

Александр Лихачёв

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛТЫНАЙ

Александр Лихачев

Алтынай

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лихачев А.

Алтынай / А. Лихачев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В этой книге поднимаются проблемы умирающих деревень и посёлков современного Казахстана, вызванные сменой экономической модели развития общества. Процесс умирания малых населённых пунктов напрямую затрагивает судьбы живущих в них людей, особенно молодёжи, которая эмигрирует из этих пунктов в поисках лучшей доли. На этот процесс накладываются национальные вопросы, которые разрушают жизнь героев этой книги, что показано на судьбе казахской девушки Алтынай. Книга рассказывает о группе молодых людей, которые вопреки этим губительным тенденциям смогли остановить разрушение родного посёлка своей энергией и равнодушием к своей жизни и жизни односельчан. Главный герой книги своими действиями показал, как можно вернуть жизнь в умирающий посёлок Степной и как найти свое место в сложных экономических условиях жизни в Казахстане. Для этого ему пришлось вступить в жестокую борьбу с криминалом и с закостенелостью односельчан. Содержит нецензурную брань.

© Лихачев А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Краткое содержание	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	44
Глава 14	48
Глава 15	51
Глава 16	56
Глава 17	59
Глава 18	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Лихачев

Алтынай

Посвящается моим предкам, переселенцам из Украины в Казахстан в начале XX века, и моей маме Дюндик Надежде Васильевне.

Имена и события являются вымышленными.

Автор просит прощения за случайное совпадение вымысла с фактом.

Автор бесконечно благодарен за помощь в написании книги «Алтынай» следующим людям:

– Моей жене Лихачевой Тамаре Михайловне.

– Моей дочери Лихачёвой Анне.

– Моей однокласснице Иценко (Горбанёвой) Любови Алексеевне. Она является прототипом одной из героинь книги – Лены Сергеенко.

– Редактору и корректору Татьяне Волобуевой.

– Художнику-оформителю Наталье Симоновой.

Эти люди, как и первые мои читатели, корректировали мои мысли при написании этой книги, объективно критиковали написанное, подсказывали верные решения в трудных случаях, присылали свои отзывы и впечатления.

Огромное им спасибо!

Краткое содержание

В этой книге поднимаются проблемы умирающих деревень и посёлков современного Казахстана, вызванные сменой экономической модели развития общества.

Процесс умирания малых населённых пунктов напрямую затрагивает судьбы живущих в них людей, особенно молодёжи, которая эмигрирует из этих пунктов в поисках лучшей доли.

На этот процесс накладываются национальные вопросы, которые разрушают жизнь героев этой книги, что показано на судьбе казахской девушки Алтынай.

Книга рассказывает о группе молодых людей, которые вопреки этим губительным тенденциям смогли остановить разрушение родного посёлка своей энергией и равнодушием к своей жизни и жизни односельчан.

Главный герой книги своими действиями показал, как можно вернуть жизнь в умирающий посёлок Степной и как найти свое место в сложных экономических условиях жизни в Казахстане. Для этого ему пришлось вступить в жестокую борьбу с криминалом и с закостенелостью односельчан.

А. В. Лихачёв

Часть первая

Глава 1

Осеннее небо над поселком было затянуто тяжелыми, свинцовыми тучами. Шел мелкий, нудный дождь. И хотя было еще два часа пополудни, этот день стремительно таял.

На краю кладбища, у свежего могильного холмика, заваленного цветами, стояло четверо: мать Андрея тетя Нюра, одетая во всё черное, и три его друга: Саша, Олег и Игорь. Вообще-то их было пятеро друзей, но Куаныш уже уехал помогать накрывать поминальный стол, а Алтынай училась в Кызылорде и не смогла приехать на похороны.

Метров в пятидесяти от могилы стоял автобус, в котором прятались от дождя люди, хоронившие Андрея. Они терпеливо ждали мать Андрея, разговаривая между собой вполголоса.

Порывы ветра швыряли водяную пыль в лица парням, и они отворачивали головы в сторону, поднимая воротники курток. Мать Андрея не чувствовала дождя. Она стояла возле могилы и что-то шептала, глядя на фотографию сына, прибитую к деревянному кресту.

Дождь усиливался. В окнах домов возле кладбища зажглись огни.

Небо торопилось как можно скорее закончить этот день, словно жалея людей.

Из автобуса выскочили две женщины и побежали к могиле.

– Нюра пойдем, простынешь! – обняла ее за плечи одна из женщин.

Мать Андрея покачнулась и покорно пошла, поддерживаемая женщинами с двух сторон. Вдруг она остановилась и повернулась к парням:

– Господи! Сколько я вам говорила? – она горестно покачала головой.

В ее голосе было столько боли, что парни опустили головы.

Автобус уехал. Парни подошли к жигуленку Олега, кое-как обтерли обувь о траву, стараясь избавиться от комков глины, и сели в машину.

Все трое закурили.

– Может, не поедем? – прервал молчание Игорь. – Ей и так тяжело, а тут еще мы!

Саша вздохнул:

– Нет, поедем. Всё должно быть по-человечески.

Он выкинул сигарету и закрыл форточку.

– Давай, заводи! – глянул он на Олега. – Не хватало еще опоздать на поминки.

Через два дня после похорон в Степной пришла зима. Обычно снег выпадал ночью на 7 ноября. Но в этот раз он начал падать на две недели раньше. Саша шел к дому Андрея и с грустью смотрел на эту зимнюю сказку. Снег падал медленно, крупными хлопьями, накрывая дома, деревья, заборы белым покрывалом. Было необыкновенно тихо. Все серые краски постепенно стирались этой белизной, и поселок становился воздушным и нарядным.

Саша любил это время. В Степном появлялся запах дыма от печей, на окнах мороз рисовал причудливые узоры. Люди вывешивали кормушки для птиц. Воздух становился прозрачным и звонким. Солнце висело светлым пятном в затянутом белой пеленой небе.

Он вошел в калитку и остановился посреди двора. Барсик, крупная немецкая овчарка, носился по двору и клацал зубами, хватая снежинки. Он с визгом кинулся к Саше и, встав на задние лапы, пытался лизнуть его в лицо.

– Барсик! – крикнул Саша. – Ты же свалишь меня сейчас.

Он прижал голову пса к себе и зарылся двумя руками в густую шерсть на его шее. Пес тихонько повизгивал и всё пытался облизать Сашу.

– Ну всё, хватит! – Саша оторвал передние лапы Барсика от себя. – Смотри, всю куртку запачкал.

Пес радостно гавкнул и начал носиться вокруг парня. Саша вздохнул и пошел к входным дверям дома. Он знал, что тетя Нюра дома, но всё же постучал. Никто не ответил. Он немного подождал, потом открыл дверь и вошел в сенцы. В сенцах он отряхнул шапку от снега, обмахнул веником ботинки и открыл двери в комнату.

Мать Андрея сидела одна за столом, кутаясь в пуховый платок. В левом углу комнаты висела икона. Перед ней светила лампадка. Внизу, на угловой тумбочке, стоял портрет Андрея, перевязанный наискось траурной ленточкой. Возле портрета горела свеча. Зеркало, висящее в простенке, было затянуто черной тканью. Оглушительно тикали настенные часы.

– Здравствуйте, тетя Нюра! – Саша в нерешительности остановился возле порога.

– Здравствуй, – равнодушно отозвалась мать Андрея. Чуть помолчав, она сделала приглашающий жест в сторону скамейки возле стола. – Проходи, садись.

Саша разулся и, не найдя тапочек, прошел к столу в носках. Сидели молча.

Часы громко отсчитывали время. Наконец тетя Нюра как бы очнулась. Она подняла глаза на Сашу:

– Чаю хочешь?

– Да нет, тетя Нюра, я недавно пообедал.

Она кивнула и снова застыла, обхватив плечи руками.

– Холодно что-то, – тихо сказала она.

Ее глаза при этом смотрели в какую-то точку на столе.

Саша кашлянул:

– Теть Нюра, может, вам чем-то помочь? Андрей, наверное, не успел нарубить дров на зиму. Да и уголь, я вижу, у вас еще во дворе лежит. Надо его в сарайчик перетаскать.

Она продолжала молчать, думая о чём-то своем. Саша понял, что она его не слышит. Она медленно повернулась к фотографии сына.

– Господи! Какой он был послушный, ласковый, – на ее глаза навернулись слезы.

Саша невольно посмотрел на фотографию Андрея. Перед его глазами встал могильный холмик с деревянным крестом и фотографией друга. Черной краской на кресте красивыми буквами было написано:

Черниченко Андрей Степанович

15.05.1986 г. – 21.10.2006 г.

– Я не могла нарадоваться, какой у нас сын, – и тетя Нюра тихо заплакала. Потом всё же взяла себя в руки и продолжила: – Муж всё удивлялся: «В кого он такой?» Всё переживал, что Андрей не сможет за себя постоять. Мы так радовались, что у него столько друзей, – она вытерла платком слезы. – Вы тогда всей гурьбой толкались у нас в хате или бегали в саду. А теперь, – она махнула рукой, – видишь, какая пустота вокруг?

У Саши защемило сердце. Он как бы нырнул в то время, когда они всей оравой сидели вокруг этого стола, а тетя Нюра – молодая, красивая женщина – легко наклонялась и доставала из печи противень с пирожками. Она раскладывала пирожки по тарелкам и ставила их на стол перед ними. От этих пирожков шел головокружительный запах. Тетя Нюра любила и умела хорошо готовить. Особенно она хорошо пекла всякие булочки, плюшки, пирожки и прочую выпечку. Пирожки она пекла с повидлом, пасленом, кисло-сладким щавелем, с картошкой, мясом, капустой, вишней. Ребятишки расхватывали эти пирожки и, слегка подув, обжигаясь, ели. Тетя Нюра садилась на скамейку возле печки и с улыбкой смотрела, как они поглощают это богатство. Особенно она ухаживала за Алтынай:

– Ешь, ешь, – она пододвигала тарелку поближе к девочке. – Вот, возьми еще с пасленом... Они тебя не обижают?

– Нет, тетя Нюра, – писклявым голосом отвечала Алтынай, облизывая с пальцев вишневый сок. – Они меня боятся!

– Ну слава богу! – улыбалась тетя Нюра и гладила ее по черной головке.

Теперь Саша смотрел на эту женщину, в общем-то еще не старую, но уже совершенно седую, и вспоминал, как бы отматывая время назад.

Беда пришла в этот дом еще десять лет назад. Муж тети Нюры, дядя Степа, как звала его вся малышня за добрый нрав и высокий рост, погиб на зимней дороге. Замерз в машине.

Дети любили его своими маленькими сердцами, как любят только в таком возрасте. Он очень часто после работы сажал их в свои старенькие «Жигули» и вез купаться на Убаган. Хотя слово «сажал» вряд ли сюда подходило. Они набивались в его машину как селедки в бочку, и он на тихой скорости вез эту визжащую ораву через весь поселок к реке.

Алтынай рыдала в голос, когда его хоронили. Пацаны давились слезами втихую, размазывая их по щекам. Они впервые увидели смерть так рядом. Для них это было первое столкновение с реальной жизнью.

* * *

В тот январский день дядя Степа возвращался от родственников, с Озерного. Ему осталось 20 километров до поворота на Степной, когда налетел снежный буран. Как это часто бывает в североказахстанской степи, буран налетел внезапно и страшно. Небо мгновенно переменялось с землей. Всё превратилось в белый ад. Дорогу в течение 10 минут замело, и дядя Степа не увидел поворота.

Машина улетела в кювет, зарылась в снег по самый капот и заглохла. Обрато вывернуть ее на дорогу у него не было никакого шанса. И хотя было всего 3 часа пополудни, трасса была пустая. Немногие машины всегда останавливались, захваченные бураном, и пережидали его, не выключая двигатели.

Дядю Степу подвела близость к дому. Ведь до Степного оставалось всего 20 километров. Когда машину откопали на следующий день, всё было кончено.

Саша до сих пор помнил, как страшно кричала тетя Нюра, когда привезли тело дяди Степы. Могилу пришлось долбить отбойными молотками. Экскаватор «Петушок» бесполезно елозил своим ковшом по мерзлой земле, пока экскаваторщик не вылез из своей кабинки и не развел беспомощно руки в стороны.

Андрей в день похорон ночевал у Саши. Саша помнил, как проснулся ночью от тихого плача друга.

* * *

И вот теперь похоронен Андрей.

Саша сам не понимал, как их в общем-то безобидные посиделки с водкой превратились потом в беду. Особенно быстро стал спиваться Андрей. Он вообще был слаб здоровьем, его даже не взяли в армию из-за этого. После возвращения Саши из армии их старая компания вновь стала собираться в доме Андрея. Не было только Алтынай.

Они обсуждали свои дела по работе. Саша устроился сварщиком на железке – так они называли железнодорожную станцию «Степная». Там же работал Олег – шофером на машине по техническому обслуживанию железнодорожных путей. Игорь работал в том же ремонтном цеху, что и Саша, тоже сварщиком. А Андрей был путевым обходчиком на той же железке. Все они работали в одной организации.

Другой работы в поселке не было с самого образования Степного. Он и создавался для обслуживания крупного железнодорожного узла, построенного в сороковые годы двадцатого столетия.

С обсуждения работы в своих разговорах они переходили на жизнь в поселке. Все сходилось в едином мнении, что жизнь в поселке скучная. Можно сказать, совсем никудышная. Как их вообще угораздило родиться в этой дыре?

Совсем скоро и эта тема сошла на нет. Они стали собираться, чтобы просто убить свободное от работы время.

Куаныш в этих попойках не участвовал.

– Аллах запрещает пить, – говорил он друзьям.

– Другим он почему-то не запрещает, – ехидно шурил глаза Олег. – Вон сколько у нас казахов-алкашей. Конечно, Куаныш теперь великим стал. Как же, титульная нация, – ворчал Олег, закрывая за ним двери гаража.

– Да отстань ты от него, – говорил Саша. – Имеет право!

Однако в одном Олег был прав: Куаныш действительно стал отдаляться от них. Он устроился работать в небольшую агрофирму к дальнему родственнику – убирать хлеб.

– Они теперь все родственники, – продолжал ехидничать Олег.

Саша с грустью отмечал, что им стало не о чем говорить с Куанышем при встрече. Да и встречи теперь стали очень редкими.

Тетя Нюра неодобрительно относилась к их посиделкам. И хотя парни вели себя тихо, она осуждающе качала головой: мол, водка до добра не доведет.

Они даже решили переместиться в гараж к Олегу, чтобы ее не расстраивать.

А потом была страшная ночь на 20 октября.

Глава 2

В три часа ночи к Саше прибежала соседка тети Нюры – тетя Даша. Она сказала, захлебываясь от слез, что Андрей умирает. Саша сразу понял, в чём дело. Накануне Андрей радостно сообщил, что по дешевке купил литровую бутылку спирта у знакомого проводника. Он часто по дешевке скупал у проводников сигареты, водку и прочие дорогостоящие продукты.

– Будет с чем провести выходные, – говорил он.

Видимо, Андрей снял пробу с этого спирта и отравился. Саша стал лихорадочно одеваться.

– В больницу звонили? – крикнул он соседке.

– Звонили! Никто не отвечает, – продолжала всхлипывать тетя Даша. – Саша, быстрее! – взмолилась она. – Он уже хрипит.

Саша позвонил по мобильнику Олегу и выбежал из дома. В окне застыла перепуганная мать.

– Скажи там, тетя Даша, что сейчас будем.

Он стал набирать номер больницы. Тишина. Олег подлетел через 15 минут: машина с визгом затормозила возле дома Саши. Он почти на ходу заскочил в жигуленок Олега, и они понеслись к дому Андрея.

Соседки помогли тете Нюре сесть на заднее сиденье «Жигулей», и Саша с Олегом занесли и посадили Андрея к ней. Он стонал. Его била крупная дрожь. Крупные капли пота стекали с его лба на подбородок и капали ему на куртку. Он привалился к матери и затих. Саша быстро сел на переднее сиденье, и машина сорвалась с места.

Больница их встретила темными окнами. Около больничного здания стояла санитарная машина, прозванная в народе буханкой. Задних колес не было, вместо них были подставлены деревянные чурбачки.

Саша вбежал на крыльцо и забарабанил в дверь. Через пять минут в окнах зажегся свет. Дверь открыла заспанная врачиха. На ней был застиранный белый халат, из-под платка выбивались седые волосы.

«Господи, – подумал Саша. – Да ей, наверное, уже сто лет».

Они внесли Андрея в приемный покой и положили на клеенчатую кушетку. Из соседнего помещения, шаркая ногами, вышла медсестра. Она была чуть помоложе врачихи.

Андрей впал в забытье. Его губы стали синеть.

Врачиха глянула на него и скомандовала:

– Несите в процедурную!

Глядя на ее перепуганное лицо и дрожащие руки, Саша понял, что часы Андрея сочтены.

Они остались в коридоре и стали ждать. Мать Андрея сцепила перед собой руки и, как маятник, раскачивалась из стороны в сторону. Иногда она начинала стонать от нестерпимой душевной боли. Потекли томительные минуты.

Саша с тоской смотрел на обшарпанный коридор, истертый до дыр линолеум, голые лампы под потолком и разбитое окно в коридоре, заклеенное полосками бумаги. Перед глазами невольно всплыли кадры из голливудского фильма: по блестящему коридору бежит медперсонал в зеленой спецодежде, толкая перед собой каталку. На каталке лежит мужчина с кислородной маской на лице. В операционной группа врачей включает медицинскую аппаратуру. В шприцы набирается лекарство. Хирург в маске и шапочке отдает четкие команды. Перед операционной горит проблесковый фонарь. Кожей ощущается: идет борьба за жизнь человека на каталке. Его отделяют считанные минуты от того света.

На следующих кадрах этот мужчина лежит в палате, на его щеках уже играет румянец. Рядом сидит счастливая жена с двумя детьми. Зритель понимает: по-другому и быть не могло.

Из процедурной вышла врачиха. Мать Андрея побледнела и подалась чуть вперед. Врачиха сняла очки и стала их протирать:

– Слишком сильное отравление!

Она надела очки и посмотрела на них:

– Я ввела ему через капельницу физраствор, – она запнулась. – Ну, то, что у нас было. Больше, к сожалению, я сделать ничего не могу. Всё сейчас зависит от того, какой у него организм. Мы вызвали скорую из Кустаная, ждите.

Она вздохнула и вернулась в процедурную.

Тетя Нюра встала и стала медленно ходить по коридору.

Скорая приехала через четыре часа. За окном уже стало потихоньку сереть.

Врачи надели на Андрея кислородную маску, положили его на свою каталку и задвинули ее в машину. Молодая врачиха, глядя на Андрея с сожалением, покачала головой.

– Он в коме! – услышал Саша и увидел, как она обменялась взглядом с коллегой – пожилым мужчиной, одетым в теплую куртку поверх белого халата.

Андрей умер, когда до городской больницы оставалось около часа езды.

Потом в заключении патологоанатома Саша прочитал: «Смерть Черниченко А. С. 1986 года рождения наступила в результате отравления большой дозой (200 мл) смеси этилового и метилового спиртов».

Дальше шло описание разрушения внутренних органов, несовместимого с жизнью.

С ума сойти! Андрей выпил целый стакан спирта. Его не смогли бы спасти ни в Степном, ни в Кустанае. Смерть включила свой счетчик, когда он купил литровую бутылку паленого спирта.

Саша очнулся от голоса матери Андрея:

– Сколько я говорила ему, да и вам тоже: «Остановитесь, займитесь делом. Женитесь, в конце концов, вон сколько свободных девчат ходят по поселку». «Мам, ну что тут еще делать? – вечные его отговорки. – Да и кто ж сейчас женится в такую рань? Надо подождать!..» Вот и подождал, – она тяжело вздохнула. – Видно, Богу было так угодно. Гены сделали свое дело. Отец его, правда, не пил, ну изредка, по праздникам. Как-то он был равнодушен к спиртному. А вот дед! Это да! Он и умер пьяным. Упал в сугроб, возвращаясь от кумовьев, и замерз насмерть, – и она снова стала кутаться в пуховый платок. – И вот смотри, когда ударило! Господи! – тетя Нюра с жалостью посмотрела на Сашу. – Вы такие молодые, а уже... – она помачала рукой, как бы вылавливая из воздуха нужное слово, – такие... никчемные!

В Сашу будто бы плеснули кипятком. Он вздрогнул. Тетя Нюра заметила его реакцию и попыталась оправдаться за такое беспощадное слово:

– Ты не думай, в наше время тоже пили. Только совсем не так, как вы. Вы это делаете просто так, без всякого повода, лишь бы убить время. У нас, в основном, это были праздники, дни рождения, свадьбы. Иногда день полочки, – и она ненадолго замолчала, вспоминая прошлое. – Как-то всё вокруг имело какой-то смысл. Была какая-то жизнь. В клуб часто приезжали городские артисты. Был свой хор. Даже свой театр, его еще в сороковые годы прошлого века создали наши ленинградцы. Этим занимались и гороно, и обком, и партком. Кто только не занимался! Это называлось «Культура – в массы». У нас даже висел такой транспарант в Доме культуры... Да какая разница, как это называлось? – тетя Нюра поправила пуховый платок. – Главное – в поселке кипела жизнь. Люди строились. Были какие-то соцсоревнования, собрания, лекции, слеты... Куда всё это делось? – она беспомощно развела руками. – Всё как отрезало! Да, нами управляли, – продолжила она. – Воспитывали, наставляли. Как теперь говорят, мы были несвободные люди. Кто-то там, наверху, планировал нашу жизнь. Это верно. Но мы чувствовали, что кому-то нужны. А теперь что? – она вопросительно посмотрела на Сашу. – Теперь вы свободные как птицы. И никому не нужны. Даже себе! Ты не думай, Саша, – тихо

сказала она, чуть помолчав, – я вас не обвиняю. Я сама просмотрела своего сына, – она снова тяжело вздохнула и поднялась со скамейки. – Прости, мне надо полежать.

Она сняла платок и стала его аккуратно складывать.

– Теть Нюра, мы вот тут собрали немного с ребятами, – сказал Саша, вынимая из кармана конверт. – Возьмите. Вам эти деньги сейчас будут очень нужны.

Он положил конверт на стол.

Теть Нюра посмотрела на конверт и отрицательно покачала головой:

– Нет, Саша! Эти деньги я не возьму. Не дай бог, конечно, но они вам самим пригодятся, если вы не прекратите эти пьянки. А с дровами и углем, если сможете, помогите. Не обижайся, но... – она решительно толкнула конверт в сторону Саши, – заberi их.

Саша молча забрал конверт со стола и сунул его в карман. Он понял, что она не возьмет эти деньги ни за что на свете.

Уже возле двери он обернулся к ней.

– Простите нас, тетя Нюра, – тихо сказал Саша. И добавил: – Если сможете.

– Бог простит! – так же тихо ответила она.

Глава 3

* * *

Саша шел от дома Андрея и не видел этой зимней красоты. Снег уже вырос шапками на крышах, заборах, деревьях. Было оглушительно тихо.

Однако перед глазами Саши стояла совсем другая картина. Им по шесть-семь лет, и они сидят на лавочке возле дома Андрея. Середина лета. Жара. Нет, просто пекло! Их шесть человек. Через час подъедет дядя Степа, и они поедут купаться. Они – это Саша Чекранов, Андрей Черниченко, Игорь Шмидт, Олег Морозов, Куаныш Кадыров и Алтынай Атымбаева.

Алтынай в их компанию привел Куаныш. Они были какими-то дальними родственниками.

– Пару раз свозим ее на Убаган – и отцепится. Очень ей хочется искупаться, – Куаныш виновато разводил руками.

Однако Алтынай не отцепилась. Она намертво прикипела к их компании. Казалось, это было невозможно. Ну что может делать одна девчонка среди ватаги пацанов? Саша сейчас не мог этого объяснить.

На реке они выгоняли ее с их места:

– Алтынчик, давай катись за тот поворот. Не хотим из-за тебя труссы мочить.

Алтынай презрительно передергивала плечами: мол, подумаешь! Она убегала вверх по реке, за поворот, и купалась одна. Она плавала как рыба, и пацаны не боялись, что она утонет. Хотя утопленников на Убагане за лето хватало, в реке было много ям, образованных родниками.

Потом они лежали на горячем песке, клацая зубами от холода, с синими губами. Алтынай в это время собирала цветы на поляне возле берега и что-то пела на казахском.

Во дворе Андрея был большой сарай, доверху набитый сеном. Это было их царство. Их военный штаб. Лежа на сене, они планировали все налеты на соседские сады, свои походы и битвы.

Потихоньку к их делам в этом сарае примкнула и Алтынай. Иногда Саша, Андрей, Олег, Игорь и Куаныш ночевали в этом сарае на сеновале, пугая друг друга рассказами о змеях и скорпионах. Алтынай на эти ночевки не просилась. Да они бы ее и не взяли. Еще чего!

Но самой полезной, как это было ни странно, Алтынай оказалась в драках. Пару раз за лето их две соседние улицы договаривались с завокзальными и встречались стенка на стенку на пустыре за клубом.

Дрались только на кулаках. Никаких цепей, ремней, кольев, а тем более кастетов – всех этих городских штучек – они не признавали. Считалось, что это западло. Дрались до первой крови или до того момента, когда противник оказывался лежащим на земле.

Так как всё проходило без увечий, милиция не реагировала на эти драки. Сами росли в этом и считали, что спустить дурную кровь иногда полезно.

Алтынай очень тщательно готовилась к этим дракам. Она собирала в большую холщовую сумку бинты, вату, зеленку, перекись водорода и нашатырный спирт. Пока шла драка, она сидела в стороне и внимательно наблюдала. За дело она принималась, когда появлялись расквашенные носы, царапины, ссадины, подбитый глаз или, не дай бог, выбитый зуб. Она отводила в сторону пострадавшего и, как опытная санитарка, протирала его раны перекисью водорода, останавливала кровь из носа, смазывала зеленкой ссадины. Причем делала она это, не разделяя никого на своих и чужих.

Пацаны сначала поддразнивали ее, но потом так привыкли к ней, что ничего не начинали делать, пока не придет Алтынай.

Потом их детская дружба переросла в школьную. И хотя они не все учились в одном классе, в школу и из школы ходили вместе.

Где-то в восьмом классе Саша вдруг почувствовал, что Алтынай заполнила его всего, как кувшин водой. О чём бы он ни подумал, куда бы он ни посмотрел, что бы он ни захотел – везде Алтынай!

Он как-то поймал себя на мысли, что утром, едва проснувшись, думает о ней. Что с радостью идет в школу именно потому, что там он увидит Алтынай.

– Алтынчик! – как-то раз пошутил Саша. – Ты стала нагло морочить голову одному молодому человеку.

– Это тебе, что ли? – огрызнулась Алтынай.

При этом, к большому удивлению Саши, ее лицо предательски залило красной краской.

– Мне кажется, что мне, – задумчиво отвечал Саша.

– Креститься надо, если кажется, – загадочно улыбалась Алтынай и убежала.

Нет, внешне всё оставалось как прежде: так же они ходили своей компанией на каток возле Дома культуры, встречали новый год вокруг елки возле того же клуба. Летом так же ходили купаться на Убаган или ездили на озеро смотреть ласточкины гнезда, проделанные в крутом песчаном откосе на берегу озера.

Только Саша смотрел на Алтынай уже совсем по-другому. Иногда он подолгу смотрел на ее лицо, как бы заново изучая его черты, исподтишка осматривал ее гибкую фигуру, ее небольшую грудь, скрытую под школьной формой.

Алтынай краснела под его взглядами, нервно поправляя платье. В ее глазах появлялся вопрос:

– Что-то не так? – молча спрашивала она Сашу.

– Нет, нет! Всё так, – так же молча отвечал Саша.

Уже в конце девятого класса, перед летними каникулами, произошел случай, который расставил всё по своим местам. После звонка об окончании последнего урока историчка, которая была их классным руководителем, остановила Сашу на выходе:

– Чекранов, задержись на минутку, – Наталья Сергеевна закрыла дверь за последним учеником. – Садись! – скомандовала она, показывая на стул возле учительского стола.

Саша сел и удивленно посмотрел на Наталью Сергеевну. Что-то странное показалось ему во всём этом.

– Саша! – она внимательно посмотрела ему в глаза. – Что же вы с Алтынай ходите по школе как дети, держась за руки? Тут всё-таки школа, а не детский сад.

Саша налился краской:

– Так это... Наталья Сергеевна, мы же выросли на одной улице. Это так, по дружбе, – он виновато улыбнулся.

– Друганы, значит! – в ее глазах заплясали чертики. – Ну-ну! Значит, так, – уже серьезным тоном сказала она. – Если ты не хочешь, чтобы о вас трепались на всех углах нашей школы и чтобы сплетни о вас не поползли по всему поселку, – Наталья Сергеевна помахала указательным пальцем перед лицом Саши, – подумай, как всё-таки лучше проявлять свои... э... так сказать, дружеские отношения. Договорились?

– Я подумаю, как лучше сделать, – сказал Саша.

– Подумай, Чекранов, подумай, – вздохнула она. – Не заставляй Алтынай краснеть и страдать от людской молвы. Вы в вашем возрасте те еще садисты. Всё, пойдем, – и Наталья Сергеевна собрала тетради со стола.

После этого разговора Саша посмотрел на себя и Алтынай как бы со стороны.

«Действительно! – думал он. – Ходим как дети».

Хотя для них в этом не было ничего особенного. Да и было это пару раз, чисто автоматически. Но другие ведь так не ходили!

Он рассказал Алтынай об этом разговоре. Ее реакция поразила его.

– А ты что, перепугался? – она твердо посмотрела ему в глаза. – Теперь что, не приронься друг к другу? Из-за того, что это кому-то не нравится? Да и вообще, я не понимаю, в чём преступление? Почему об этом должны сплетничать? Мы что, одни ходим? У нас полк-ласса ходит с парнями.

– Алтынчик! – Саша немного замялся, подбирая слова. – Мы с тобой не как все.

Они шли домой по вечерней улице. Солнце уже садилось, освещая поселок багряным светом. По улице, позвякивая колокольчиками, разбредались по домам коровы. Их встречали хозяйки, что-то ласково приговаривая перед тем, как запустить во двор. Алтынай и Саша прижались к забору, пропуская коров.

– Ты имеешь в виду, что я казашка, а ты русский?

– Украинец, – поправил ее Саша.

– А что, есть разница? – удивленно посмотрела она на него.

– Да вроде нет, – пожал он плечами.

Они молча пошли дальше.

– Но ведь столько смешанных браков, – опять нарушила молчание Алтынай. – Правда, их становится меньше, сам понимаешь, какие времена настали.

– В том-то всё и дело, – сказал Саша.

Уже возле дома Алтынай повернулась к нему:

– Знаешь, ведь когда-то наступит момент, когда все узнают. И мои родители, и твоя мама, не говоря уже о школе. Всё равно нам это не обойти, ведь так?

– Так, – согласился Саша. – Не обойти.

Он поразился тому, что она говорила об этом, как о само собой разумеющемся факте. Будто они уже всё решили.

– Ну и пусть говорят, – подытожила Алтынай.

– Алтынчик, да мне пофиг все эти разговоры! Но ты? – он взял ее за плечи и повернул к себе. – Что ты скажешь своим родителям?

– Не знаю, – тихо ответила она. – Что-нибудь скажу.

– Ладно, – улыбнулся Саша. – Не будем заранее разводить панику. Но ходить по школе, взявшись за руки, мы тоже не будем. Это действительно не детский сад.

– А как будем? – заулыбалась Алтынай. – В обнимку? Саша! – она вдруг потянулась к нему. – Поцелуй меня!

Саша, не раздумывая ни секунды, нагнулся и поцеловал ее в губы. Губы были мягкими и теплыми.

Алтынай медленно закрыла глаза, как бы прислушиваясь к поцелую. Потом повернулась и побежала домой. Это был их первый поцелуй.

Ни Алтынай, ни Саша тогда не знали, что они вскоре столкнутся с силой, которая перевернет их жизни.

Глава 4

В начале июня, сразу после окончания занятий, Алтынай исчезла из Степного. Когда она первый раз не пришла на их вечерние посиделки, Саша занервничал, но объяснил себе это хозяйственными делами. Алтынай часто помогала маме по хозяйству. Но когда она не пришла и на следующий день, Саша запаниковал. Он отвел Куаныша в сторону и попросил выяснить, в чём дело. Тот кивнул головой и исчез. Появился он только через час. Саша сразу почувствовал: что-то случилось.

– Ну? – он подошел к Куанышу вплотную.

Тот отвел глаза в сторону:

– Нет ее! Отец отвез ее в Кызылорду, к родственникам. На всё лето.

Сашу как обухом ударило по голове.

– А почему она... – начал он, потом осекся. – Извини, Куаныш, просто вырвалось... У кого узнал?

Тот нахмурился:

– У брата! У нее там целая программа: Алматы, Астана, даже Каспий – в Актау!

Саша помрачнел:

– Отец?

Куаныш утвердительно кивнул:

– Да, отец! То ли сказал кто-то ему, то ли сам догадался, не знаю. Обычно он ее отправлял на пару недель в аул, к дальним родственникам: мол, пусть не забывает свои корни. А тут на всё лето. Подальше от Степного. У нее даже не было возможности тебе сообщить. Утром позавтракали и уехали.

Саша стоял, опустив голову. Он был в этом ауле. Летом, после восьмого класса, они решили всей компанией съездить к Алтынай в ее аул.

Но получилось так, что они поехали вдвоем. У остальных появились неотложные дела.

Саша помнил, как его встретила вся ее многочисленная родня. Все были очень вежливыми и радушными. Но какой-то холодок он всё же ощущал. Правда, он не придал этому значения: мало ли, всё же люди чужие.

Их накормили бешбармаком, напоили чаем с баурсаками, кумысом.

Потом Алтынай решила показать ему табун лошадей, которые паслись недалеко от их аула. Она подвела к Саше гнедого жеребца.

– Не бойся! – сказала она. – Они это чувствуют. Будет трудно тогда ими управлять.

Саша забрался на спину жеребца. Он, как и все пацаны в Степном, умел ездить на лошадях. В поселке у соседей-казахов были лошади. И пацаны, естественно, учились кататься на них.

Алтынай вскочила на белую кобылу, и они тронулись в путь. Саша поразился, как она это сделала. Такое он видел только в фильмах о жизни кочевников.

Они ехали медленным шагом минут десять. Потом она лукаво улыбнулась:

– Слабо наперегонки?

– Да, давай! – Саша решительно взялся за поводья.

– Догоняй! – крикнула Алтынай и ударила пятками по бокам кобылы.

Та чуть присела и с места рванула в карьер. Саша тоже ударил пятками по бокам гнедого, и гонка началась.

Алтынай летела впереди на кобыле, как птица. Ветер поднимал ее платье, оголяя смуглые ноги почти полностью.

После получасовой бешеной скачки Саша сдался. Он перешел на легкий галоп и начал восстанавливать дыхание.

Алтынай сделала вокруг него полукруг и пристроилась рядом.

– Ну что, городская неженка! Сдался?

– Угу! – смущенно кивнул Саша. – Еще жить охота.

Алтынай расхохоталась.

– Как ты это делаешь? Я не видел, чтобы ты ее подгоняла.

– А я ее не подгоняла! Я ей сказала... – и Алтынай произнесла длинную фразу на казахском.

– Переведи! – попросил Саша.

– Я ей сказала, что надо чуть прибавить. Что надо проучить этого задаваку!

– Да ну тебя! – Саша посмотрел на Алтынай с укоризной. – Можно подумать, она всё понимает.

– Всё понимает, – кивнула Алтынай. – Хочешь, я ее рассмешу?

Она наклонилась к уху кобылы и что-то прошептала. Та несколько раз помотала головой, потом подняла ее вверх и тонко заржала.

Саша поразился:

– Алтынчик! Что ты ей сказала?

– Я ей сказала, – начала давиться от смеха Алтынай, – посмотри, какой дурачок сидит на гнедом!

Когда они чуть успокоились от смеха, она сказала:

– Вот ты, когда садишься на лошадь, что ты о ней думаешь?

– Ну, думаю, что это красивое, сильное животное. Что оно может тебя отвезти, куда тебе надо.

– Вот именно! Красивое, сильное животное. То есть ты – это ты, а лошадь – животное! Верно?

– Ну да, а как иначе?

– А вот мы, казахи, не разделяем нас на отдельные составляющие. В моральном смысле. Мы считаем, что мы одно целое. И так в степи было всегда! Казахи не могли обойтись без лошадей, как и лошади без нас. По-другому в степи было нельзя! Я вот не пинала ее ногами, как ты. Я ее просила ускорить бег. Слов было достаточно. Это тебе не железный жигуленок. Тому что хочешь говори, но пока не нажмешь на педаль газа, он никуда не поедет.

Она обняла свою кобылу и чмокнула ее в мокрый нос.

* * *

Сашу вывел из раздумий Куаныш:

– Может, узнать, где она живет в Кызылорде?

– Нет! – повернулся Саша к нему. – Спасибо тебе. Извини, но другого варианта что-либо узнать у меня не было.

Он было повернулся уходить, когда Куаныш тронул его за рукав:

– Тут еще вот что... Не хотел тебе говорить, но придется. Брат Алтынай просил тебе передать, чтобы ты от нее отцепился. Мол, ничего у тебя не выйдет.

– Ну, это не ему решать, у кого что выйдет, – глухо сказал Саша.

Куаныш с сожалением покачал головой:

– У казахов мнение родственников очень значимо. Тебе придется принимать это во внимание.

– Ладно, – сказал Саша, пожимая руку друга. – Еще раз спасибо!

Лето прошло, как обычно, в делах: Саша работал на огороде, ремонтировал сарай, пару раз сходили с ребятами на рыбалку. По просьбе матери съездил на три дня к сестре в Кустанай. Уже около десяти лет прошло с тех пор, как Кустанай переименовали в Костанай, а люди никак

не могли привыкнуть к новому наименованию. Вот и Саша поначалу пытался честно выговорить новое название города, но язык упрямо выговаривал «Ку», вместо «Ко». Саша махнул рукой и перестал насиловать себя.

Сестра училась в педагогическом институте на преподавателя французского языка, и мать часто пересылала ей посылочки с чем-нибудь вкусненьким.

Мысль об Алтынай не покидала Сашу ни на минуту. Иногда он ночевал в саду и подолгу смотрел на звездное небо, мысленно представляя себе, где может находиться в это время Алтынай, в каком городе. Хотя сам он никогда не был ни в Астане, ни в Алматы, а тем более в Актау. Ее лицо, улыбка, смех, руки, волосы, черной волной падающие на спину, стояли у него перед глазами. Засыпал он, когда уже начинали кричать петухи.

До школы осталось три дня, когда Алтынай вернулась в поселок. Вечером радостно завизжала их собака, и Саша вышел во двор узнать, кто пришел.

Алтынай молча кинулась ему на грудь и прижалась всем телом.

– Я не могу без тебя жить! – не отнимая лица от его груди, глухо проговорила она. Ее была крупная дрожь. Потом она подняла на него глаза, полные слез: – Как это больно!

Саша гладил ее по волосам, по рукам, плечам и ничего не мог сказать – в горле стоял ком.

Мать Саши тактично закрыла за собой дверь в дом.

Потом они ходили до глубокой ночи по улицам поселка. Алтынай не могла остановиться и говорила, говорила, говорила. Саша, не перебивая ее, слушал, как она ходила с двоюродными сестрами по улицам больших городов. Как они смотрели на заснеженные вершины гор в Алматы. Как она прыгала в море прямо с набережной города Актау. Как они сидели на этой набережной по вечерам в кафе и ели мороженое.

Она с восхищением рассказывала, какое оно ночью красивое, это море, совсем не похожее на их Убаган. Как много собирается молодежи на этой набережной по вечерам. Как много там красивой музыки и смеха.

– Там другая жизнь, – говорила она. – Там другие люди.

Она так красочно всё это описывала, что у Саши сложилось мнение, будто он всё время был с ней рядом.

Уже в конце ее рассказа он спросил:

– Алтынай, тебе отец что-нибудь говорил, когда вы ехали в Кызылорду?

– Нет!

– Но вы же ехали часов десять! Неужели всё время молчали?

Она задумалась:

– Ну что-то про школу говорил. Я уже не помню.

– А ты ему?

– Саша, я понимаю, о чём ты, – вздохнула она. – Но у нас не принято спрашивать у отца о его решениях. Если он так решил, значит, так надо. Это закон!

– А то, что он отправил тебя к родственникам на целых три месяца, это тебе было совсем не интересно? – Саша вопросительно поднял брови.

– А он и не говорил, что на три месяца. Когда приехали к родне, сказал, что мне пора уже посмотреть мир. Типа, взрослая уже. Типа, нечего всё лето сидеть в Степном. А когда стал уезжать, сказал, что вернется за мной 25 августа.

– М-м-да!

Саша вдруг отчетливо понял, что их с Алтынай ждут тяжелые времена. Им придется вступить в бой с ее родственниками. Тяжелый бой. Беспощадный.

Когда за ней закрылась калитка, было уже два часа ночи. Саша услышал, как ее на пороге встретила мать и что-то гневно говорила по-казахски.

В эту ночь Саша не спал. Он прокручивал в голове ее рассказ и думал, что он совсем не знает Алтынай. В этой хрупкой девушке кипели такие страсти, что у него захватывало дух.

Глава 5

Началась учеба. Десятый класс в жизни школы особенный. Выпускной.

В классе формируются группки по интересам. Иногда вспыхивают мелкие ссоры между девочками и мальчиками на пустом месте. По партам начинают ходить записочки. Отличники вдруг начинают хватать двойки.

Особенную популярность завоевывали спортсмены. Перворазрядники ходили с независимым видом, не реагируя на восхищенные взгляды девушек.

Учеба отходила на задний план. Учителя отчаянно пытались образумить вышедших из-под контроля учеников, пугая их выпускными экзаменами.

Саша тоже стал замечать что-то странное в поведении одноклассниц.

Ленка с Валькой загадочно шептались, глядя на него, и громко хихикали, когда он проходил мимо их парты. Герда, наоборот, задумчиво смотрела на Сашу, отбрасывая со лба белокурые волосы. Она вообще была самой спокойной девушкой в классе. По всем предметам у нее стояли пятерки. Завистники презрительно шурились: мол, немка, что с нее взять?

Иногда Саша сталкивался в коридоре с Таней Симоненко. Она училась в параллельном классе, вместе с Алтынай. Таня сначала бледнела при виде Саши, потом краснела и старалась быстро прошмыгнуть мимо него.

Как-то эту сцену случайно увидела Алтынай. Она с невинным видом подошла к Саше:

– Привет! А что это девчонки из твоего класса на меня волком смотрят? – она с ехидцей посмотрела ему в глаза.

– Это кто же? – остановился Саша.

– Ну Ленка с Валькой. А еще Герда! Такое ощущение, что они меня гвоздями к стенке в коридоре прибивают. Да и Танька Симоненко из нашего класса уже дырку у меня в спине просверлила – она сидит сзади через парту. Ты не знаешь, что им от меня надо?

– Понятия не имею, – пожал плечами Саша. – Может, ты воруеть у них что-нибудь? Ну, там, зеркальца или губнушку какую-нибудь. Что вы там в своих рюкзачках таскаете?

– Ничего я не ворую, – возмутилась Алтынай. – Нужна мне их губнушка!

– Ну тогда я не знаю! – он развел руками. – Хотя постой, – Саша задумчиво постучал пальцами по губам. – Я, кажется, догадываюсь. Ты стырила у них парня. Такой высокий, симпатичный, весь из себя крутой.

– Ага! – Алтынай глянула на Сашины кроссовки. – В синих джинсах и белых кроссовках.

– Точно! – радостно закивал Саша. – В белых кроссовках!

– Нет, – разочарованно вздохнула Алтынай. – Не помню я в вашем классе таких. Хотя нет, – всплеснула она руками. – Есть в вашем классе один теленок. Зовут его Саша, фамилия Чекранов. Только я его не тырила. Он сам за мной бегаёт, как за мамочкой.

– Алтынчик! – Саша схватил ее и угрожающе поднял руку. – Сейчас получишь по заднице за теленка.

Она с хохотом вырвалась от него и отбежала в сторону. Потом приставила к носу ладонь с растопыренными пальцами и пошевелила ими:

– Теленок!

Наступил май. Степь мгновенно покрылась изумрудной травой. Одурающий запах от цветения полыни, разнотравья, цветов волнами накрывал поселок.

Над степью зависли многочисленные жаворонки. Высоко в небе кружили беркуты, высматривая полевых мышей, сусликов и прочую мелочь.

Люди ходили по поселку немного хмельные от степных запахов. В степь начали выводить коров на первый выпас. Школьники высыпали во двор школы во время перемен и стояли группками, наслаждаясь весенним солнцем и теплом.

Уроки в этот день закончились рано: заболела учительница русского языка и литературы, и у учеников десятых классов образовались свободных два часа.

Саша и Алтынай, не договариваясь, повернули в степь. У них было любимое место недалеко от поселка. Они легли на прогретую майским солнцем землю и с наслаждением стали наблюдать за беркутом, парящим высоко в небе. Откуда-то с юга уже волнами налетал горячий ветер. Эта картина подействовала на них настолько завораживающе, что они закрыли глаза и молча плыли в этих горячих волнах.

Потом Алтынай села и, глядя в степь, стала петь. Саше показалось, что ветер стих и замолкли жаворонки, когда ее высокий, сильный голос зазвучал в степи. У него по коже пошли мурашки от ее голоса.

– О чём ты поешь? Почему песни вашего народа такие грустные?

Девушка задумчиво смотрела куда-то вдаль:

– О людях пою. О нас с тобой. О степи. О звездном небе, – она вздохнула. – А грустные они, наверное, из-за нелегкой жизни в степи. Меня научила этим песням моя бабушка. Она жила в другом времени. Вся эта грусть – оттуда. Сейчас песни другие. В них редко поют о грустном.

Она снова легла и закрыла глаза. Опять запели жаворонки.

– Саша! – Алтынай повернула голову к нему. – А что ты будешь делать после школы?

– Ну-у! – протянул он. – Для начала женюсь на одной красивой казашке.

Алтынай оперлась на руку и заулыбалась:

– Ты что, делаешь мне предложение?

– Ты ужасно догадливая, Алтынчик! Бездна ума какая-то! Прямо жуть, какая у меня будет умная жена. Кстати, – он нахмурил брови. – А ты знаешь, что жена не должна быть умнее мужа?

– Ну что же, придется тебе терпеть! – засмеялась она. – Должен же быть в семье кто-то умный. Саш, ну я серьезно! – захныкала она.

– Не знаю, Алтынчик! – вздохнул Саша. – Пока не знаю. Маму я бросить не могу. Опять же армия. Да и учиться дальше не помешало бы. Пока ничего не просматривается.

– Не просматривается, – как эхо, повторила Алтынай, задумчиво покусывая травинку. Она снова легла на спину и стала смотреть в небо.

– Ну а ты что думаешь делать после школы? – Саша тоже сорвал травинку и стал смотреть в небо.

– Как что? – Алтынай вновь повернула голову к Саше. – Ты же замуж меня позвал. Сяду тебе на шею. Буду пирожки печь, как тетя Нюра. Потом нарожаю тебе кучу детишек. Красота!

Она снова стала смотреть в небо.

– Знаешь, – уже серьезно сказала она, – родители твердят, что мне надо ехать учиться в город. В Кызылорду. К родственникам. Они и помогут, и присмотрят за мной.

– Ну а ты что? – Саша вдруг почувствовал, что в их разговоре наступил очень важный момент.

– Не знаю, – вздохнула Алтынай. – Еще недавно всё было ясно: закончу школу, выйду замуж за Чекранова, пойду работать куда-нибудь. Потом дети. Потом снова работа. И так до пенсии, – она замолчала.

– А что? – подтолкнул ее плечом Саша. – Классный вариант! Построим дом на краю поселка. Обзаведемся скотиной, купим машину. Будем ездить с ребятами к твоим родственникам в аул. Есть бешбармак, пить кумыс. Казахскому ты меня научишь.

Саша вдруг увидел, что Алтынай его не слушает. Что она продолжает смотреть в небо и думает о чём-то своем.

– Эй! – тихо сказал он. – Ты где?

– Знаешь, Саша, – снова заговорила она, – в детстве я думала, глядя на степь, что весь мир устроен так же. Так же висят жаворонки, кружат беркуты, цветут цветы, пахнет полынью. То есть везде эта степь, это небо, этот горячий ветер. Но прошлым летом я увидела другой мир. Нет, по телику я, конечно, всё это видела и раньше. Но одно дело по телику, а совсем другое – своими глазами. Я тебе уже рассказывала про море, про горы, большие города... – она опять замолчала, задумчиво покусывая травинку. – У меня сложилось впечатление, что наш поселок отгорожен от остального мира глухой стеной. Мимо нас проносится что-то огромное, неизвестное, загадочное. Мы только слышим отзвуки этого. Тебе так не кажется?

Она в упор посмотрела ему в глаза. Саша понял, что этот вопрос уже давно мучает ее. Он вдруг почувствовал, будто он стоит у доски с невыученным уроком.

– Извини, Алтынай, к таким вопросам нужна недельная подготовка.

– А ты сам себе такие вопросы не задавал? – в ее голосе прозвучала напряженность. – Мы что, всю жизнь будем в этом поселке? Нам ведь уже почти по восемнадцать. Когда же задавать такие вопросы? Когда будет по тридцать? Может, тогда и ответы будут не нужны?

Саша молчал. Ни на один вопрос Алтынай в данный момент у него не было ответов. Самое страшное, что он не знал, будут ли они вообще, эти ответы.

В эту ночь Саша долго ворочался без сна.

«Я ведь отвечаю за Алтынай! – пришла ему в голову простая мысль. – Только от меня будет зависеть, как сложится наша жизнь. Как будут жить наши дети. Где мы вообще будем жить».

В душе у него ворочались огромные черные камни.

Глава 6

В начале июня были выпускные экзамены. Потом выпускной бал.

Впервые выпускники танцевали на площади перед Домом культуры.

Нарядно одетые родители стояли плотным кольцом по периметру площади и, не скрывая слез, смотрели на своих повзрослевших детей. В воздухе висело ощущение какого-то праздника весны, надежды. Какого-то счастья.

Потом выпускники разделились на группы, парочки и разошлись по поселку.

Праздничный стол по случаю окончания школы был организован еще вчера вечером. Тогда же прозвенел последний звонок. У некоторых выпускниц не выдерживали нервы, и они рыдали, запершись в своих классах.

На вечере прозвучало много шуток, выпускники дарили своим учителям цветы, фотографы делали снимки выпускных классов.

Директор школы сказала много теплых слов, пожеланий, напутствий. На окнах и столах стояли охапки цветов.

Потом выпускники гуляли по поселку почти до утра.

Сразу после выпускного бала Саша и Алтынай снова пришли на свое любимое место в степь.

– Мы как рыба на нерест, всегда на одно и то же место, – шутила Алтынай. – Может, мы появились здесь, на этот свет, вот такусенькими, – она показала полнотка. – В животике у мамы. Вот нас сюда и тянет.

– Может, продолжим традицию? – Саша сощурился, как кот на сметану.

– Да? – девушка лукаво улыбнулась. – Тебе только протяни ноготок – без руки останешься! Давай сегодня не будем о серьезном, – предложила Алтынай. – По-моему, наступают последние деньки, когда можно вот так, ни о чём не думая, смотреть на эту красоту вокруг. Вопросы сами найдут нас, когда придет время.

– Давай не будем, – согласно кивнул головой Саша.

Они легли на горячую землю и блаженно закрыли глаза. Долго лежали, разморенные жарой, и слушали жаворонков. Потом Саша повернулся к Алтынай и, подперев голову рукой, стал смотреть на нее. Он провел пальцем по ее закрытым глазам, по ее носику, губам.

Алтынай наслаждалась этими прикосновениями. Ее губы раскрылись, грудь стала учащенно подниматься.

Она повернула голову к Саше, и ее губы оказались в сантиметре от его губ.

Потом они слились в поцелуе. Рука Саши непроизвольно скользнула под блузку девушки и легла на ее упругую грудь. Под рукой мгновенно затвердел сосок, приподняв ткань лифчика.

Алтынай застонала, ее тело выгнулось дугой. Она рванулась из его рук и вскочила. Отбежав метров десять от него, она остановилась, закрыв лицо руками, и стала раскачиваться из стороны в сторону. Потом села спиной к нему. Саша подождал, когда перестало стучать в висках, подошел и сел рядом с ней.

– Прости меня, Алтынчик! Я не хотел, но ничего не могу с собой поделать.

Она подняла на него глаза, полные слез:

– Ну нельзя нам это до свадьбы! Для нас это страшный грех. Аллах очень сильно наказывает тех, кто нарушает этот запрет. Прошу тебя, не делай больше так!

Саша обнял ее за плечи и стал тихонько покачивать, как ребенка.

– Ну не расстраивайся ты так, Алтынчик! Я больше не буду. Хочешь, я тебя развеселю?

Она грустно улыбнулась:

– Ну развесели! Если получится.

Саша принял задумчивый вид:

– Я давно хотел тебя спросить... Почему у вас, казахов, такие узкие глаза?

Алтынай удивленно посмотрела на него:

– Потому же, почему у вас круглые. Природа так придумала. Знаешь такое слово? Природа!

– Думаю, природа здесь ни при чём, – Саша внимательно стал рассматривать свои ногти.

– Та-ак! – она заинтересованно повернулась к нему. – Ну давай, продолжай! Я так понимаю, у тебя есть своя, какая-то сногшибательная теория по этому поводу?

Саша надул щеки:

– Так это же очевидно! Когда вы рождаетесь в степи, вы замуриваете глаза от яркого солнца. Так потом и ходите всю жизнь – зажмуренные!

– Нет, не катит твоя теория, – Алтынай ехидно улыбнулась. – Во-первых, у нас не узкие глаза, а миндалевидные!

– Миндалевидные? – Саша сделал круглые глаза.

– Да! Миндалевидные, – подтвердила Алтынай. – Есть такой орех. Миндаль называется. Вот у вас глаза, – она свернула пальцами нолики и приставила к своим глазам, – круглые, как грецкий орех. Вы когда рождаетесь, наверное, думаете: «Куда это я попал?» – и она состроила смешную рожицу. – Так потом и ходите всю жизнь, с вытаращенными глазами.

– Ну хорошо! – притворно вздохнул Саша. – А что во-вторых?

– А во-вторых, – она победно улыбнулась, – мы рождаемся не в степи. Мы рождаемся в роддомах. И иногда даже зимой, когда солнца вообще не видно. Так что извини! – она развела руки в стороны.

– Да, – хмыкнул Саша, – похоже, ты права. Эта теория не катит. Остается только одно, – он тяжело вздохнул и на всякий случай отодвинулся от девушки. – Леня рождается впереди вас. Вы немного открываете глаза при рождении – и всё. Дальше вам леня. Так что глаза у вас не узкие, они у вас ленивые!

– Ах ты гаденыш! – завизжала Алтынай. Она вскочила и сжала руки в кулачки. – Сейчас как дам по башке, неделю будешь ходить прищуренный. Тоже мне, офтальмолог нашелся!

Саша с хохотом стал отбиваться от ее кулачков:

– Всё, всё! Сдаюсь!

Он схватил Алтынай и немного приподнял в воздух. Она брыкалась и кричала, чтобы он ее отпустил. Потом затихла и закрыла глаза.

– Дай я поцелую твои миндалики, – прошептал он.

Он нежно целовал ее закрытые глазки. Потом опустил ее на землю, и они замерли. Ощущение счастья заполнило их души до краев.

Потом они снова легли рядом и стали наблюдать за беркутом.

– Сашуль! – задумчиво спросила Алтынай. – А ты кого хочешь? Девочку или мальчика?

Саша невольно подумал, что этот вопрос задается с тех пор, как на земле появились первая женщина и первый мужчина.

– Девочку!

– А почему? – удивилась Алтынай. – Казахские мужчины всегда хотят мальчика. Продолжатель рода и всё такое.

– Не знаю, – ответил Саша. – Первой должна быть девочка. Тогда у меня будет две Алтынайки. Одна большая и одна маленькая.

– Не обьешься? – счастливо засмеялась она. Потом толкнула его ладошкой в грудь. – Я тебя серьезно спрашиваю.

– И я серьезно, – сказал Саша.

– Ну хорошо! – вздохнула она. – Давай, если будет девочка, назовем ее русским именем. А если мальчик, то казахским.

– А как мы назовем девочку? – уже через минуту спросила она.

– Лиза! – ответил Саша.

– Лиза... – задумчиво повторила Алтынай. Потом чуть пожевала губами. – Вкусное имя. И красивое!

– Да! – подтвердил Саша. – Вкусное и красивое. Наша дочь будет самой красивой девушкой на земле.

– Ой, да ладно! – засмеялась Алтынай.

– Что «ой, да ладно»? – Саша встал и принялся отряхивать джинсы от травинок. – У таких красивых родителей не может быть некрасивой дочери. Вставай, Алтынчик, уже холодно, надо идти.

Глава 7

На следующий день Сашу призвали в армию. Повестку принесла пожилая почтальонша.
– Распишись вот здесь! – ткнула она пальцем в тетрадь. – Господи, когда это кончится? – тяжело вздохнула она. – Ну, давай, Надя, держись! – обратилась она к Сашиной матери. – Дай бог всё обойдется!

К поезду, кроме мамы, Сашу пришли провожать все его друзья. Ждали Алтынай. Она пришла за 15 минут до отхода поезда. Вернее, ее привез брат на своей машине. Он молча курил, опершись на крыло своего жигуленка. Саша изредка ловил его тяжелый, презрительный взгляд.

Мама и друзья отошли немного в сторону.

Алтынай подбежала и прижалась к нему всем телом:

– Саша! Ни о чём не думай! Я буду ждать тебя, что бы ни случилось.

– Что, так всё плохо, Алтынчик? – он постарался поднять кверху ее лицо. Ее глаза были опухшими от слез.

– Да! – кивнула Алтынай. – Мама еле уговорила отца открыть дверь.

По репродуктору объявили об отправке поезда. Офицеры забегали вдоль состава, выкрикивая команды. Саша торопливо поцеловал мать, пожал руки друзьям. Потом взял Алтынай за руки:

– Я люблю тебя, Алтынчик! Ничего не бойся! Мы всё выдержим!

Она молча смотрела на него, прижав ладони к губам. Ее пальцы дрожали.

Саша заскочил в вагон, и состав тронулся. Алтынай робко махала ему рукой.

Он стоял возле окна и смотрел в сторону вокзала. Поселок Степной стремительно уменьшался. Через некоторое время он превратился в светлое пятно. Сквозь тучи на него падал столб солнечного света.

* * *

Саша попал в пограничные войска. Он впервые увидел горы, покрытые снегом. Поразила красоте города Алматы. Всё, о чём рассказывала ему Алтынай, он теперь увидел воочию. Их часть перебрасывали и на побережье Каспия, в район города Актау. На учениях отрабатывалось взаимодействие сухопутных и морских погранвойск.

Саша очень окреп физически. Их до седьмого пота заставляли отрабатывать приемы рукопашного боя. Обучали также азам компьютерной техники, радиodelу, основам английского языка.

Саша часто вспоминал высказывания Алтынай про другой мир, других людей. Он начал понимать, что она испытывала в свои пятнадцать лет, попав в совершенно другую обстановку. Несколько раз он пытался связаться с ней, но мобильные телефоны тогда только еще входили в обиход, и связи со Степным не было. Мать в письмах отвечала, что пока не видела Алтынай.

Год пролетел незаметно. Саша вернулся в поселок смуглый от постоянного солнца, накаченный и, как сказала мать, взрослый. Она радостно хлопотала возле печи, рассказывая попутно о поселковых делах. Саша слушал ее про сестру, которая учится уже на четвертом курсе, про то, как отелилась корова, сколько цыплят уташил этот паразит-беркут. Саша давно не видел ее такой энергичной. На его вопросы о здоровье она отмахивалась: мол, всё нормально. Главное – он вернулся живой и здоровый, и они теперь заживут.

Уже в конце ужина, когда она начала собирать тарелки, Саша спросил про Алтынай. Мать слегка замялась, потом ответила, что ее нет в Степном.

– Учится она в Кызылорде, – сказала мать, вытирая руки. – В педагогическом колледже. Приезжала на зимние каникулы. Приходила к нам в дом. Спрашивала, где ты служишь и пишешь ли что-нибудь. Просила сообщить ей, если что пришьешь. К ним домой, ясное дело, писем от тебя она не ждала. Это было уже после того, как я отправила тебе письмо, – сказала мать.

– Ну а ты, мам, что? – спросил Саша.

– Ну, я ей рассказала всё, что самой было известно. Дала ей почитать твои письма.

Саша молча закурил. Потом спросил:

– Ну а как она вообще?

Мать вздохнула:

– Тихая она была, какая-то задумчивая. Всё что-то хотела спросить, но так и не решилась. Вот, оставила тебе номер телефона, – мать полезла в тумбочку и вытащила листок бумаги. – Но предупредила, что может не ответить, потому что это телефон ее двоюродной сестры. Отец запретил ей покупать свой телефон: мол, нечего баловаться!

Саша на следующий день с утра позвонил по этому номеру.

– Абонент не доступен, – раздался на том конце голос автоответчика. То же было и на следующий день.

Саша понял, что номер или заблокирован, или не оплачивается.

Звонить было бесполезно.

Саша устроился на работу сварщиком в ремонтный цех железнодорожного узла станции «Степная». Другого места, куда можно было устроиться на работу, в их поселке не было. Отец еще в детстве привозил его к себе на работу, и Саша с восторгом смотрел на огненные брызги, летящие из-под электродов сварщиков.

Из их компании все, кроме Алтынай, остались в Степном. И все работали на железке – так они называли меж собой железнодорожный узел. За исключением Куаныша.

Многие из их одноклассников разъехались кто куда. Кто на историческую родину – в Германию, кто в Кустанай, Астану, Алматы. Много уехало на Украину, в Чечню, в Белоруссию. Соседи и оставшиеся родственники получали письма чуть ли не со всех концов света.

– Будто мор по поселку прошел, – грустно шутили односельчане.

– Остались одни неудачники, – повторял Саша, сидя с друзьями за столом, заставленным бутылками с водкой и закусками.

Они всё чаще стали проводить свободное время за таким столом.

Вскоре к их компании примкнул Степка, сменщик Саши по цеху. Степка был штатный юморист: анекдоты, байки, смешные рассказы сыпались из него, как горох из дырявого мешка.

От Алтынай не было никакой весточки. Куаныш говорил, что ничего не знает про нее. Саша ему не верил, но поделаться ничего не мог. Он вообще стал замечать, что Куаныш начал отдаляться от них. В основном молчал, перестал ездить с ними на рыбалку, в их попойках не участвовал. Саша не мог себе объяснить, что происходит, но в душу к нему не лез. Считал, что Куаныш сам всё расскажет, если захочет.

Олег намекал, что Куаныш так себя ведет потому, что стал представлять титульную нацию. Саша не хотел верить этому: слишком многое их связывало. Из их компании Куаныш единственный, кто устроился работать в агрофирму, к своему дальнему родственнику.

В сентябре сыграли свадьбу Олега с Ирккой. Они учились в одном классе и сидели за соседними партами.

А в ночь с 20 на 21 октября умер Андрей. Смерть вырвала его из их компании безжалостно и равнодушно. Когда из жизни уходят сверстники, ты как-то по-новому начинаешь смотреть на эту жизнь. Оказывается, можно сегодня ходить, смеяться, строить планы на будущее, вообще не предполагать, что ты можешь когда-либо умереть. А завтра – лежать в гробу с почерневшим лицом, равнодушным ко всему, происходящему вокруг.

После похорон они помогли матери Андрея с дровами, углем, всем тем, что не успел сделать при жизни Андрей.

Их посиделки прекратились сами собой. Пару раз собрались, но пить никто не стал: Андрей незримо сидел с ними за столом, и они быстро расходились, не в силах перенести случившееся.

Саша заметил, как посветлела лицом мать, когда они прекратили свои застолья.

Глава 8

Где-то через неделю после похорон, в обед, когда они раскрыли свои тормозки, Игорь, задумчиво жуя бутерброд с салом, сказал:

– Я решил уехать из Степного.

– Куда уехать? – оторопел Саша.

– В город. В Кустанай, – и Игорь аккуратно стал складывать остатки еды в сумку. Саша молча наблюдал за этим процессом. Потом тоже начал укладывать свой тормозок.

– А в городе что? Тебя там ждут? – он вытащил сигарету из пачки и закурил.

– Ждут! – сказал Игорь. Он тоже закурил. – Я связался с отделом кадров автомобильного завода, бывший «Дизель». Они сейчас собирают китайские легковушки, им нужны люди на конвейер.

Он замолчал, задумчиво глядя на тлеющий кончик сигареты. Потом тяжело вздохнул:

– Понимаешь, не могу я тут больше. Как вспомню черное лицо Андрея, меня трясет.

Саша молча продолжал курить, глядя в пол.

– Ты хоть понял, что мы были одной ногой в могиле? – Игорь выпустил струю дыма вверх. – Если бы Андрей не снял тогда пробу, мы бы лежали рядом с ним, в своих могилах!

– Что уж тут не понять? – сказал Саша. – У меня до сих пор мороз по коже!

– Знаешь, – Игорь поднялся и бросил окурочок на пол, – я сейчас скажу тебе одну вещь, а ты как хочешь! То, что случилось с Андреем, не могло не случиться. Не сейчас, так позже, кто-нибудь из нас или отравился бы, или спился, или замерз в сугробе. И в этом есть наша вина: и твоя, и моя.

Он помолчал и добавил:

– Меня в последнее время ничто здесь больше не интересует. Ни охота, ни рыбалка, ни пьянка. Наш поселок – это полный отстой. Тут абсолютно нечего делать! Для интереса посчитай, сколько у нас спилось мужиков за последнее время. Пальцев на руках и на ногах не хватает! – и Игорь закурил новую сигарету.

Саша молча курил и о чём-то думал. Наконец задал вопрос другу:

– Игорек! А ты уверен, что в городе будет по-другому? Ты после работы куда пойдешь? В рабочее общежитие? Видел я это общежитие. От сестры оно недалеко. Как вечер, так рядом с ним полиция дежурит. Может, дело все-таки не в Степном?

– Ой! Да брось ты! – Игорь стал быстро ходить туда-сюда вдоль стола. – Всё равно в городе больше возможностей. Что, я не прав?

– Да прав ты, прав! – Саша досадливо поморщился. – Ну а родители что? Они ведь у тебя старенькие!

– Ты не поверишь, – Игорь махнул рукой, – мать сказала, что сама купит мне билеты. После трагедии с Андреем – хоть к черту на кулички! Лишь бы подальше от Степного. Так что извини, – развел он руками, – попробую начать новую жизнь в городе.

Через три дня они провожали Игоря. Начальник цеха не глядя подписал увольнение – в работе был очередной простой. На перроне стояли Саша, Куаныш, Олег, Степка и родители Игоря.

Дул пронизывающий, почти зимний ветер.

К удивлению собравшихся, за 10 минут до отправления поезда прибежала Ленка с их класса. Она после окончания бухгалтерских курсов в городе работала в бухгалтерии железнодорожной станции и часто прибегала к ним в цех – пообщаться с бывшими одноклассниками. Она была уже замужем за Виталиком, также их бывшим одноклассником.

– Вот, Игорек! – Ленка протянула ему ладонь. На ладони лежала керамическая фигурка жаворонка. – Захочешь вспомнить Степной в своем городе – подвесь жаворонка к люстре.

У Игоря повлажнели глаза:

– Спасибо, ребята!

Он коротко обнял друзей, поцеловал родителей и вошел в вагон. Просвистел свисток локомотива, и состав тронулся.

– С чего это он вдруг уехал? – спросила Ленка у Саши, когда они шли домой через вокзальную площадь. – Вроде родители здесь, опять-таки дом, да и работа какая-никакая, а есть!

– Не верит он в Степной, – ответил Саша. – Не видит для себя здесь никакого будущего.

– Может, он и прав, – задумчиво сказала Ленка. – У нас почти весь класс уехал. Пишут, правда, что скучают по поселку. Тесно некоторым в их заграницах, но возвращаться не думают – нет тут работы. Да и не видят они здесь этого самого – будущего! – она вздохнула.

Саша шел по улицам родного поселка домой, проводив Ленку до ее двора. В небе висела яркая луна. Холодный, прозрачный воздух сковывал всё вокруг, как бы готовя поселок к зиме. Первый снег, выпавший два дня назад, растаял, но зима решила больше не делать людям поблажки и не сегодня-завтра собиралась прийти всерьез и надолго.

Саша с горечью смотрел на дома вокруг и невольно вспоминал слова Игоря. Сколько он помнил себя, в поселке ничего не менялось. Школа, вокзал, Дом культуры, построенные еще в конце сороковых годов прошлого столетия, как были визитной карточкой поселка, так ею и остались. Ничего нового, кроме частных домишек, больше в Степном не построили. Некоторые дома вообще были покрыты камышом. Они стояли с оконцами, покрашенными в синий цвет, будто декорации к фильму «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Правда, еще до перестройки построили две панельки в пять этажей для железнодорожников, живших еще в военных бараках, и на этом всё!

«Даже асфальта нигде не положили, – с тоской думал Саша. – Неужели нельзя хотя бы улицы привести в порядок? Летом невозможно дышать от пыли. А уж про больницу и думать не хочется!»

Саша поежился, вспоминая ободранный коридор. Время будто обогнуло поселок в своем стремительном беге, и он застыл, как муха в куске янтаря.

«Может, действительно уехать в город? – лениво думал Саша. – Дождаться Алтынай, забрать ее в город, устроиться на работу, снять квартиру. Продать дом. Там, если повезет, еще подзаработать. На эти деньги купить двушку. Забрать к себе маму».

«Что ты дурака валяешь? – уже через минуту думал он. – Никуда мама не поедет от могилы отца. Да и от дома, который они с отцом построили. Вся ее жизнь теперь – в этом доме, в хозяйстве, в том мирке, который они создавали вместе с отцом всю свою жизнь. Да и с Алтынай ничего не известно! Сможет ли она оторваться от своей семьи, своего рода? Отпустит ли ее отец в город? Да еще со мной?»

У Саши зануло в груди. От Алтынай, по-прежнему не было весточки. Телефон так же не отвечал. Куаныш продолжал молчать как рыба об лёд...

«Нет, что-то надо делать здесь, в Степном. Только вот что?!»

Глава 9

На следующий день зима наконец показала свой характер. Уже в полночь завыл ветер, повалил снег, дома сотрясало от мощных порывов ветра. В такие моменты Сашу выталкивала на улицу какая-то сила. Он выходил во двор и становился, широко расставив ноги. Ветер почти сбивал его с ног, лицо мгновенно покрывалось снегом, он нагибался, чтобы не упасть, но даже не думал возвращаться в дом. В этом противостоянии с природой было что-то демоническое. Какой-то восторг овладевал им. Какая-то энергия передавалась ему от этой бешеной круговерти ветра и снега, наполняя его жизнестойкой силой. В такие минуты он с восторгом думал, что нет ничего прекраснее в этом мире, чем этот сумасшедший ветер со снегом, потому что стихия давала ему почувствовать, что он есть на этом белом свете, что он стоит и держит удар самой природы и что ему всё по силам в этой жизни.

Снег шел непрерывно целую неделю. Поселок завалило по самые крыши. Бульдозеры пробили туннели в трехметровых сугробах посреди улиц и кое-как расчистили привокзальную площадь и подходы к школе. Люди самостоятельно прорывали ходы в снегу от дверей домов к этим туннелям и ходили по своим делам.

Жизнь в Степном еле теплилась. Иногда наступало временное потепление, снег оседал грязными кучами, и на улицах наступало оживление. Заливали каток возле Дома культуры, сновали немногочисленные машины, работал маленький рыночек на привокзальной площади.

Саша много работал, стараясь заработать побольше денег. Он самостоятельно, по книгам освоил технологию сварки высоколегированных и нержавеющей сталей, высокопрочных узлов.

Степаныч, начальник ремонтного цеха железнодорожного депо, сначала не верил, что можно по книжкам освоить такие премудрости в сварочном деле. Он без конца отдавал на просветку ультразвуком Сашину работу, пока не убедился в надежности его сварочных соединений.

После этого он Сашу зауважал. Стал доверять ему работу, для выполнения которой раньше вызывали опытных, старых сварщиков из города.

Работа отвлекала Сашу от тяжелых мыслей «Почему Алтынай молчит, почему не присылает никаких весточек? Почему так упорно молчит Куаныш?» Краем уха Саша слышал, что он сдружился с братом Алтынай.

Часто он мучился этими вопросами по ночам. Неизвестность разъедала его, как талая вода лед.

В начале марта стало попахивать весной. Первыми о ее приходе сообщили воробьи. Утро начиналось с их веселого чириканья. Как-то ночью весна пришла окончательно. Днем ослепительно сияло солнце. На снег невозможно было смотреть – резало глаза от искрящего покрывала. С крыш повисли сосульки. Ребятишки обрывали их и, хвастаясь друг перед другом, лизали, как мороженое. Музыкалькой зазвучала капель. Прозрачный воздух наливался какой-то жизнеутверждающей силой. Во дворах и на улицах зазвучал смех. Часто с юга стал прилетать теплый ветер.

Вскоре наступил цветущий май. Степь окрасилась в изумрудный цвет. Саша продолжал всё так же много работать. Он брал все срочные заказы на себя. Часто приходилось работать по выходным – сказался отъезд Игоря. Вместо него напарником Саши теперь работал Степка. Но слово «работал» к нему не очень подходило. Степка в основном любил работать языком. Саше поневоле пришлось сблизиться с ним. Деваться было некуда: определенную работу требовалось делать вдвоем.

Вскоре Степаныч привел им ученика.

– Вот! – буркнул он. – Вам в помощь!

При этом он отвел глаза в сторону. Саша понял, что ученик – чей-то протеже.

Он не осуждал начальника цеха – в поселке не было другой работы.

Ученика звали Сергей. Это был немного разбитной парень с цыганскими глазами.

Как-то Олег привел к ним в цех своего напарника: высокого, стройного парня. Его звали Валера. Спокойный, светловолосый, немного застенчивый. Он подменял Олега на его машинотехничке. Саша немного знал его. Отец у Валеры был немец, мать – белоруска. Таких браков в Степном было немало во времена молодости их родителей. Люди в те времена не очень-то интересовались, кто их избранник по национальности. Особняком продолжали держаться чеченцы и, в меньшей степени, казахи. Они старались жениться на своих.

Так их компания вновь стала пополняться новыми людьми.

Смерть Андрея и отъезд Игоря стали потихоньку забываться в ежедневной суете. Иногда Саша случайно встречался с Куанышем. Он уже не спрашивал про Алтынай – не хотел ставить Куаныша в неловкое положение, заставляя врать.

Жизнь текла спокойно, не выходя за раз и навсегда установленные рамки.

Саша стал брать любую халтуру по поселку в редкие выходные. Гаражные ворота, металлические калитки, навесы, бочки – всё, что требовало сварочных работ, односельчане доверяли Саше. Знали, что всё будет сделано вовремя и с хорошим качеством. Саша не много брал за свою работу – знал, что у людей больших денег нет. Но за месяц всё равно выходило прилично. Мысль, что необходимо собрать как можно больше денег на будущую свадьбу, не покидала Сашу ни на минуту.

То, что он не получает не каких весточек от Алтынай и не имеет возможности самому как-то связаться с ней, заставляло Сашу нервничать. Он рисовал себе картины одна мрачнее другой.

Вторая мысль, тупым сверлом терзающая его мозг, была о необходимости заняться чем-то другим вместо работы сварщиком. Он прекрасно понимал, какие жизненные перспективы у простого сварщика. Требовалось заняться чем-то, приносящим гораздо больший доход.

А еще Саша понимал, что однажды ему придется отвечать на вопросы Алтынай об их семейном благополучии. Она уже задавала ему вопрос, будут ли они всю жизнь жить в Степном. Саша тогда не смог ей на это ответить. Не мог он на это ответить и сейчас. Он мучительно искал выход из этого положения. Но ничего не приходило на ум.

Как-то, смотря по телику очередную историю про успешного бизнесмена, Саша задал себе вопрос: «А мог бы я сделать вот так же?» Эта мысль стала преследовать его днем и ночью. Он запросил у сестры соответствующую литературу. Та прислала ему кучу книг на нужную тему. Этим книг развелось видимо-невидимо. «Как стать богатым», «Как организовать успешный бизнес», «10 способов заработать большие деньги» и так далее. По мнению некоторых авторов этих опусов, выходило, что заработать много денег – раз плюнуть. Деньги просто валяются на дороге. Надо только не лениться нагнуться за ними. Конечно, Саша понимал, что большинство этих авторов просто зарабатывали деньги на волне интереса к этой теме, не особенно вникая в суть проблемы. Также Саша понимал: всё, что описывалось в этих книгах, больше подходило к уже устоявшейся рыночной экономике. Там, на Западе. В то же время он стал находить в этих книгах то, что мучило его в последнее время. Он увидел путь к другому образу жизни. Трудному, опасному и в то же время дающему возможность построить свою жизнь самому, опираясь только на свои силы. Он взялся за изучение классиков экономической науки, но вскоре понял, что ему катастрофически не хватает знаний.

Иногда, лежа без сна, Саша пытался сопоставить прочитанное с жизнью их поселка. И у него ничего не получалось! Он никак не мог выбрать какую-нибудь идею, которую можно было бы применить в их «болоте». С какой стороны ни подойди, всё во что-то упиралось: то в отдаленность от города, то в отсутствие денег у односельчан, то в отсутствие спроса на какую-нибудь продукцию, то просто в замшелость местной публики и отсутствие так называемой креативной молодежи.

Саше пришлось залезть в словарь, чтобы понять значение слова «креативный». Поселок катастрофически старел. Молодежь разбегалась из Степного, как тараканы от дуста. А тех, кто оставался в поселке, можно было охарактеризовать одним словом: неудачники. Саша с сожалением констатировал, что он тоже подходит под это слово. Это было по нервам не хуже удара электрическим током. В этих поисках прошла весна и наступил июнь.

Глава 10

В тот вечер он зашел с работы в магазин. Мать попросила кое-что прикупить из продуктов. Саша был уставший, так как был конец недели и ему пришлось выложиться на все сто, чтобы не выходить в субботу.

Думая о своем, Саша открыл дверь магазина и вышел на улицу. Ему перегородили дорогу. Он устало поднял глаза и оторопел. Перед ним стояла Алтынай! Но черт возьми!!! Саша не верил своим глазам. Перед ним стояла настоящая восточная красавица! Она как будто сошла с обложки западного журнала мод!

Тонкие брови дугой, прямой точеный носик, высокие скулы, слегка растянутый рот с влажными губами. Черные волосы тяжелой волной накрывали ее плечи.

И самое главное – ее глаза! Те самые, миндалевидные! Они делали ее лицо настолько завораживающим, настолько каким-то неземным, что Саша непроизвольно ахнул. Он автоматически огляделся по сторонам, ища рядом с Алтынай шикарную иномарку типа «Бентли».

Алтынай молча улыбалась, наслаждаясь эффектом, который произвела на Сашу.

Саша сглотнул комок в горле:

– Давно из Парижа?

Алтынай улыбнулась еще шире, обнажив ослепительно белые зубы:

– К сожалению, самолет из Кызылорды в Париж отменили! Пришлось напрямки – в Степной.

Люди обходили их стороной и с удивлением оглядывались. Алтынай была одета в черные шелковые шаровары, подпоясанные тонким ремешком, и в белую блузку. Ее белые туфли утопали в уличной пыли.

– Алтынчик! Ты здесь как бриллиант среди стекляшек, – пробормотал Саша.

– Ну, что стоим? – рассмеялась она. Потом взяла его за руку и скомандовала: – Пошли!

От нее доносился едва слышный запах духов. Саша посмотрел на свои старенькие джинсы и застиранную рубашку и густо покраснел. Он быстренько заскочил домой, отдал маме пакет с продуктами, переоделся, на ходу объясняя сложившуюся ситуацию, и выскочил на улицу.

Они проходили до полуночи и не могли наговориться. Вернее, в основном говорила Алтынай. Саша только слушал и односложно отвечал.

Перед ним развернулась вся ее двухлетняя жизнь. Она рассказывала про студенческие вечеринки, про экзамены, про походы в горы Алатау, про посещение выставок, концертов...

Чем больше Саша ее слушал, тем больше на него наваливалась тоска! Он не мог отойти от шока! Это была его Алтынай, и в то же время это была совсем другая девушка. Саша всё не мог понять, что в ней изменилось, кроме внешности. И только когда она взяла его за руку, и он увидел ее длинные, украшенные шикарным маникюром ногти, он понял, что его смущало: Алтынай стала городской девушкой. Той девушкой, которых показывают по телевизору, как они садятся в шикарные машины, пьют коктейли в ресторанах, демонстрируют сногшибательные наряды, ходят по выставкам и концертам.

Несколько раз он ловил на себе ее изучающий взгляд во время ее рассказов. Вернее, ее оценивающий взгляд.

«Интересно, – думал он, – по какой шкале она сейчас меня оценивает?»

Он обреченно понял, что эти два года Алтынай прожила совсем в другом мире. Что она сейчас смотрит на этот мир совсем по-другому.

«Ну а чему удивляться? – вяло подумал он. – Жизнь в городе неизбежно должна поменять взгляды. И потом, она уже стала взрослой девушкой. Не той Алтынай с бьющими через край эмоциями, с которой мы лежали два года назад в степи».

Он вспомнил, как Алтынай его тогда спросила:

– Саша, а твоя мама знает, что мы с тобой ходим?

– Конечно знает. Что в нашем поселке можно скрыть?

– И что она говорит?

– Она говорит, что я после школы должен учиться дальше. Должен ехать в город и поступать в институт. Современным девушкам не нужны работяги с их копеечными зарплатами. Им нужны высокообразованные женихи в модных костюмах с карманами. А карманы должны топорщиться от пачек денег.

– А я современная девушка? – с лукавством спросила Алтынай.

– Конечно! – с серьезным видом ответил Саша. – Ты же азиатка с раскосыми и жадными глазами! И первым делом будешь смотреть на карман, а потом уже на всё остальное.

– Дурак! – взвизгнула Алтынай и забарабанила сжатыми кулачками по его груди. Саша с хохотом отбивался от неё. Потом она повисла на нем: – Хочешь, выдам секрет? Я влюбилась в красивого молодого парня. Правда, у него не все дома, но мы это поправим!

Теперь Саша молча слушал Алтынай и с тоской думал: «А будет ли в ее новой жизни место для меня?»

Слишком разительной оказалась ее перемена! Он как бы заново знакомился с этой девушкой. Смотрел на ее красивое лицо и не мог привыкнуть к его виду. Тонкое, не совсем казахское-что-то было в нем то ли от персов, то ли от узбеков. Такие лица встречаются лишь на юге Казахстана. Уже тогда, в 16 лет, в ней стали проступать эти черты.

Он вспомнил, как поддразнивал ее в школе:

– Алтынчик! Ну-ка, сознавайся! Кто твою бабушку в степи поймал? Что-то ты не особо на казашку похожа!

Алтынай смеялась:

– Да уж точно не медведь с севера! Вы так бегать не умеете, как южные барсы!

Саша очнулся от воспоминаний уже возле ее дома. Он осторожно обнял Алтынай:

– Ты надолго в Степной?

Она удивилась:

– Саш, ты что? Я же домой вернулась! – она внимательно посмотрела на него. – Давай пока не будем ни о чём серьезном. Ладно?

– Ладно! – облегченно вздохнул Саша. – Спокойной ночи! – он чуть коснулся ее губ.

– Спокойной ночи! – эхом отозвалась Алтынай.

* * *

Однако о серьезном им говорить пришлось. И очень скоро! Через неделю Алтынай устроилась на работу. В акимат. Секретарь-референт – так называлась ее должность.

– Ты же говорила про детский сад, по профессии, – удивился Саша.

– Да я сама так думала. Уже у заведующей была, – Алтынай задумчиво накручивала волосы на палец. – А вчера отец объявил за ужином, что мне нечего возиться с малышкой за копейки! И что он с помощью Юзбашевых договорился об этом месте в акимате.

– Юзбашевы... – задумался Саша. – Родители Серика?

Алтынай нехотя кивнула головой:

– Да! Его, Серика! Ты же знаешь, мой отец давно работает вместе с его отцом. И не только работает. Наши семьи давно дружат между собой.

У Саши зануло в груди. Серика он знал давно. И не любил. Тот учился на два года старше их, в одном классе с братом Алтынай. Серика в школе никто не любил! Слишком заносчиво он вел себя со сверстниками. Как же, ведь его папа – бывший председатель потребкооперации, а

ныне генеральный директор одноименной фирмы. И кличка у Серика была соответствующая – Байчонок.

Вообще семья Юзбашевых была на слуху в Степном. Глава семьи Марат Юзбашев много лет работал председателем Союзпотребкооперации. Фигура значимая. К нему часто приезжало городское руководство. Злые языки утверждали, что Юзбашев держал в степи специальную юрту для этих целей. Мол, начальство там пьянствовало по несколько дней. В ответ его потребкооперация устанавливала на городских рынках какие угодно цены. И не только в областном центре, но и в других городах области.

Отец Алтынай работал в том же кооперативе, под началом у Марата Юзбашева. Конечно, кооператив лопнул во время обретения Казахстаном независимости. Зато возникло частное предприятие «Казпотребко-операция» во главе с Маратом Жуманшевичем Юзбашевым.

Саша вдруг понял, что за трудоустройством Алтынай встает какая-то темная сила.

– Алтынай! Но ведь у акима уже давно работает секретарем Захарова Нина Васильевна. Ты ее знаешь, – Саша озадачено посмотрел на девушку. – У нее же огромный опыт. Да и до пенсии немного осталось.

– Да знаю я! – Алтынай была готова расплакаться. – Отец сказал, что ее уже давно хотят уволить. Она не знает казахского. Все ждали подходящий момент.

– И этот момент настал, – глухо пробормотал Саша. – М-м-да!

* * *

Прошло еще две недели. Саша с Алтынай могли теперь встречаться только в выходные дни. Да и то не всегда. Иногда Алтынай работала по субботам, иногда Саша.

В это воскресенье они встретились после обеда и, не сговариваясь, пошли в степь. На свое место. Алтынай была чем-то расстроена. Она сидела молча, покусывая соломинку.

– Ну не тяни! – взмолился Саша. – Что случилось?

Она внимательно посмотрела на него. Он вообще стал часто замечать этот ее взгляд. Какой-то вопрос, что-то не высказанное было в этом взгляде.

– Саша, ты можешь сказать, чего мы ждем?

Он медленно стал наливаясь краской.

– Алтынчик! Мы же решили этой осенью. Ну не готовы мы еще с мамой к свадьбе! Собрали всё, что можно. Я работаю почти по полторы смены, мама решила на продажу коровы, родственники с Нежинки обещали помочь. Не могу же я свататься к тебе с пустыми карманами. Я уже молчу о том, что твой отец потребует калым! – Саша поморщился от этого слова.

– Еще как потребует, – глухо сказала Алтынай. – Только не от тебя!

Саша похолодел.

Алтынай вдруг закрыла лицо руками и заплакала.

– Ты же знаешь, как мои родители к тебе относятся? – сквозь всхлипывания услышал Саша. – А тут еще пошли слухи о ваших пьянках! Отец и так ждал любого повода, а тут на тебе: будущий зять – алкаш!

Сашу как будто окатило ледяной водой. Он вспомнил презрительный взгляд отца Алтынай, когда они встречались на улице. Тот едва кивал головой на приветствие Саши и старался быстрее пройти мимо. Мать Алтынай, тетушка Рая, вообще отводила глаза в сторону при встрече с ним.

«Да и вообще браки между русскими и казахами становятся редкостью, – как бы в свое оправдание подумал Саша. – Все-таки они титульная нация! Хотя при чём тут нация, – тут же горько подумал он, – если такие слухи пошли по поселку...»

– Ну а что тетушка Рая? – Саша называл мать Алтынай Раей, как и все русские соседи, хотя у нее было длинное казахское имя, лишь слегка созвучное имени Рая.

– Мама уходит от разговора, – вздохнула Алтынай, немного успокоившись. – Только я чувствую, что эта история с Андреем переменяла к худшему ее мнение о тебе.

– А брат?

Саша хорошо знал Надира еще по школе. Дружбы между ними не было, так как тот учился на два года старше. Да и дружил Надир с Сериком с раннего детства.

– Ну, это тот еще разведчик, – Алтынай вытерла слезы носовым платком. – Улыбается и жмет плечами. Мол, скоро тебя ждет сюрприз, сестренка! Саша! Я боюсь, – на глазах девушки снова заблестели слезы. – Я чувствую, что они что-то готовят.

Она помолчала, кусая губы.

– Знаешь, – уже спокойно сказала она, – отец вчера вечером заговорил о том, что мне пора замуж. Мол, по нашим обычаям я вообще перезрелок! Мол, уже почти 20 лет, а я еще не замужем. Он и раньше об этом говорил, но как-то абстрактно. Видимо, ждал, когда я окончу колледж. А вчера выдал, что в Степном есть уважаемые люди, с которыми не стыдно породниться. И что эти уважаемые люди имеют достойных, тоже уважаемых сыновей, которые учатся в институтах и которые будут преумножать заработанное многолетним трудом.

– Серик? – полувопросительно проговорил Саша.

Алтынай кивнула головой.

– А еще он сказал, что породниться с таким родом – большая честь. Мол, не голытьба какая-то!

У Саши застучало в висках. Откуда-то изнутри стало подниматься отчаяние. Сердце сжало железными пальцами. Отец Алтынай подтянул дальнобойную артиллерию и бил наверняка. Что называется, под дых.

– Средневековье какое-то, – пробормотал Саша. – Уважаемые люди! Богатый род! Богатая невеста! Вокруг голытьба. Не хватает только белой юрты и табуна лошадей! – и Саша покачал головой. – Я думал, что это – только в художественной литературе о жизни казахского народа в прошлом веке.

Алтынай со вздохом закрыла глаза и отвернулась.

Солнце стало клониться к горизонту. Повеяло прохладой. Степь стала затихать.

– Ну, что будем делать? – чуть помолчав, спросил Саша.

Алтынай повернула голову. Ее глаза гневно сверкнули:

– А можно я тебе задам этот вопрос? Ведь среди нас двоих мужчина – это ты!

Саше будто бы отвесили оплеуху!

– Прости, Алтынай! Это я не подумавши! – он встал и протянул ей руку. – Пойдем. Я решу этот вопрос. Через неделю.

Они возвращались в поселок в полном молчании, каждый думая о своем. Уже совсем стемнело. Со степи дул прохладный ветер.

– Как же так произошло с Андреем? – внезапно спросила Алтынай.

Вопрос прозвучал как выстрел. Саша ждал этого вопроса и боялся его. Он понимал, насколько жалко и неубедительно прозвучит всё, что он скажет по этому поводу. Он тяжело вздохнул и вкратце рассказал, что произошло с Андреем.

– Это был несчастный случай, – сказал Саша в завершение этого короткого рассказа.

Алтынай отрицательно покачала головой:

– Отец считает, что это был закономерный случай, и ничего случайного в нем не было! Был лишь вопрос во времени!

Саша вздрогнул. Отец Алтынай сказал то же, что и Игорь!

– Наверное, он прав, – глухо пробормотал Саша. – Но, – он виновато развел руки в стороны, – от судьбы не уйдешь!

Алтынай вдруг остановилась и повернулась к нему. Опять этот взгляд? Внимательный, изучающий, несущий какой-то вопрос. Саша внутренне сжался.

– Помнишь, два года назад ты сказал, что наше будущее не просматривается, – тихо напомнила она. – Что тебе надо определиться. Ты определился?

Она спросила это таким спокойным, почти равнодушным голосом, что Саша замер. Потом он взял ее за плечи и посмотрел в глаза.

«Ну же, Алтынай! – мысленно попросил ее Саша. – Давай, задавай свой главный вопрос! Сейчас самое время выяснить всё до конца! Мы вместе? Я и Ты?»

Она сняла его руки с плеч и отвернулась.

– Всё ясно! Не надо меня провожать, – тихо добавила она. – Я не хочу, чтобы нас видели вдвоем!

* * *

Саша шел домой и не видел дороги.

«Хорошо, что Алтынай не стала уточнять, как я «определялся» со стаканом водки в руке», – думал он.

Саша застонал от жгучего, нестерпимого стыда. Он лежал без сна и анализировал рассказ Алтынай. В общем-то, ничего нового он не услышал. То, что ее родители не хотят их свадьбы, было очевидно. Об этом он впервые услышал от Куаныша, когда тот передавал слова Надира еще два года назад. То, что Серик был завидным женихом, не мог увидеть только слепой. Саша вспомнил их богатый дом.

Сашин домик даже близко нельзя было ставить рядом с домом Юзбашевых. Вспомнил он и Серика за рулем иномарки. Это была первая машина иностранного производства в их поселке. Семью Юзбашевых вообще считали в Степном «новыми казахами». Говорили даже, что у них есть своя земля в какой-то агрофирме и свой скот.

С этой точки зрения Саша проигрывал Серику по всем позициям. Но всего этого Саша особо не боялся. Пока они с Алтынай вместе, всё это можно побороть. Тогда откуда у него возникло чувство тревоги? Он снова стал слово за словом вспоминать рассказ Алтынай. Ничего в этом рассказе не могло его так сильно встревожить. Даже то, что Серик был явным кандидатом в зятя к отцу Алтынай. А кому же отдавать в жены свою красавицу дочь, если не сыну своего ближайшего друга и начальника? Последнему дураку это было понятно!

Но тревога пришла не оттуда!.. Она пришла от Алтынай! Вернее, от ее изучающего взгляда. Нет, не так!!! От ее оценивающего взгляда. У Алтынай до учебы в колледже такого взгляда не было!

Чувство надвигающейся катастрофы стало овладевать Сашей.

Глава 11

Серьезные вопросы на этом не кончились. В понедельник, после работы, Сашу ждал брат Алтынай. Он стоял в своей любимой позе, опершись на крыло своего жигуленка, и курил. Саша сразу понял, что разговора не избежать, и направился прямо к машине.

– Ко мне? – он протянул руку Надиру.

Тот коротко пожал протянутую руку и кивнул:

– К тебе! Догадываешься, зачем?

Он пытливо посмотрел на Сашу.

– Да уж, много ума не надо, – Саша вздохнул. – Ну говори!

Надир выкинул окурок и открыл дверь машины:

– Садись! Разговор будет долгим, что на ветру стоять?

Саша открыл дверь с пассажирской стороны и сел. Немного помолчали.

– Как будем? Сразу начистоту или по-нашему, по-восточному: сначала о здоровье твоей семьи?

– Давай сразу, – сказал Саша. – Думаю, здоровье моей семьи тебя не интересует!

– Правильно думаешь, – Надир открыл форточку. Потом повернулся к Саше. – Знаешь! Еще со школы я тебя уважал. Ты, как сейчас модно говорить, правильный пацан! Но с Алтынай ты ошибся.

Саша молча ждал продолжения.

– Раскрываю мысль! – Надир поерзал, устраиваясь поудобнее. – Она тебе не по зубам! Думаю, ты и сам это понимаешь.

Он замолчал, ожидая реакцию со стороны Саши.

– Нет! – сказал Саша. – Не понимаю! Что-то у меня с зубами, это я понял. А вот что именно, объясни!

– Юмор – это, конечно, хорошо! – вздохнул Надир. – Только этого мало. Не хотел тебя унижать, но придется. Мы ведь уже взрослые люди и должны смотреть правде в глаза. Верно?

– Верно! – кивнул Саша. – Должны.

– Тогда посмотрим, кто ты есть. У русских есть очень точное слово, которое говорит, кто ты! Это слово – голодранец! – он пытливо посмотрел на Сашу. – Ты, конечно, можешь с этим не согласиться. Сказать, что все так живут. Только нас не интересует, как живут другие. Другие к нам в зятя не набиваются.

– Вас или Алтынай? – Саша смотрел в одну точку на лобовом стекле.

– Нас, Саша. Нас! Мы живем одной семьей.

– И всей семьей объясняете Алтынай, что ее избранник – голодранец?! – Саша перевел взгляд на Надира.

– А что там объяснять? – скривился Надир. – Алтынай всё сама прекрасно видит. Или ты думаешь, что она с радостью пойдет в вашу нищету? Типа, с милым и в шалаше рай? Ну сам посуди, что ты можешь дать ей с твоей профессией и зарплатой 100 тысяч тенге в месяц? Это раньше, может быть, не имело значения, сколько ты получаешь. Все были одинаковые. Главное – что передовик производства, уважаемый человек, почетные грамоты и всё такое! Но сейчас? – он покачал головой. – Сейчас для создания крепкой казахской семьи муж должен не просто хорошо зарабатывать, он должен быть богатым.

– Например, как Серик? – сказал Саша.

Надир снисходительно посмотрел на него.

– Да! Как Серик! Он, в отличие от тебя, в институте учится. И в скором будущем займет место отца в его бизнесе.

– Я понимаю, – сказал Саша. – Сейчас главное – деньги! Вернее, большие деньги!

– Мне понятна твоя ирония, – Надир с сожалением посмотрел на него. – Но деньги – это мерило человека. И добыть их ох как нелегко! Для этого нужно, чтобы в голове, – он постучал себе по лбу, – были мозги. А вот эти части скелета, – он показал на свои локти, – должны быть острыми. Они, деньги, просто так на дороге не валяются!

– Я так понимаю, что у меня проблемы не только с зубами, но и с головой, и с локтями! – сказал Саша.

– Правильно понимаешь, – кивнул головой Надир. – Иначе к своим двадцати годам ты бы умел еще что-нибудь делать, кроме как держать сварочный аппарат в руках.

– Ну хорошо! – пошел на провокацию Саша. – В чём-то ты прав! А как ты смотришь на то, что мы вдвоем с Алтынай начнем бороться за свое благополучие? Не так, что «вот тебе, Алтынай, золотая клетка, садись и воспитывай детей», а вдвоем, как это делают все нормальные семьи.

– Да! – хмыкнул Надир. – Жена в четыре утра на ферму – коров доить, а муж к токарному станку – план перевыполнять. А дети в это время на улице, с голой жопой! А в выходные на субботник, бревна таскать, потому что у начальства ума не хватает организовать уборку мусора в середине недели. Зато в конце квартала грамоту выпишут, как победителю соцсоревнования. Знаем мы это. Уже проходили!

– Мы это не проходили, – сухо сказал Саша. – Это проходили наши родители. И они особо не жалуется на то время.

– Ну ладно! – Надир закурил новую сигарету и выдохнул дым в форточку. – Это всё теории! А вот практика! Мои родители и родители Серика договорились об их свадьбе еще пять лет тому назад. Когда Алтынай было всего 15 лет.

«Восьмой класс», – мелькнуло в голове у Саши.

– А Алтынай знала об этом? – невольно вырвалось у него.

– Нет конечно! – снова затянулся сигаретой Надир. – Кто же детям говорит о таких вещах? Как ты понимаешь, эта договоренность базировалась на твердой материальной основе, – он многозначительно посмотрел на Сашу.

– Ты когда стучал по голове, – Саша с усмешкой посмотрел на Надира, – ты кого имел в виду? Папу или сына? Чья это материальная основа?

– Да-а-а! – протянул Надир. – Болтать ты горазд! Кстати, а ты знаешь, сколько стоит казахская свадьба? Ну хотя бы приблизительно?

– Нет, не знаю, – сказал Саша. – Думаю, зависит от того, чья это свадьба.

– Ну так я тебе докладываю! Тебе надо пахать лет десять, чтобы жениться на Алтынай. В общем-то я всё сказал! Думаю, что ты сделаешь из этого правильные выводы, – и Надир потянулся к ключу зажигания. – Тебя подвезти?

– Нет! – сказал Саша. – Я долго тебя слушал. Теперь ты послушай меня. Вот первый вопрос! А где Алтынай во всей этой схеме? Она же не верблюд, которого продают на базаре.

Надир пожал плечами:

– Там же, где и все казашки, которых выдают замуж по желанию родни. Родит, будет хорошей женой и матерью.

– Хорошо! – Саша полез в карман и закурил сигарету. – Второй вопрос. А что будет, если я не сделаю правильные выводы?

Надир снова пожал плечами:

– Конечно, никто тебя убивать не будет! Хотя были времена, когда таких, как ты, убивали. Но пойми, наш род никогда не даст согласие на вашу свадьбу! Подумай, перед каким выбором ты поставишь Алтынай. Какая казашка пойдет против воли своей семьи? Своего рода? Как бы она не сломалась! И потом... Не хотел тебе это говорить, но ты вынуждаешь. Где гарантия, что ты не повторишь судьбу Андрея? И что тогда нам делать с Алтынай и вашими детьми?

– Да-а! – протянул Саша. – Вы, казахи, всегда были хорошими охотниками! Умели загонять дичь в силки. И что ты предлагаешь?

– Предлагаю поступить честно и по-мужски!

Саша усмехнулся:

– То есть сказать Алтынай: извини, мол, я ошибся! Так?

– Сказать ты можешь всё, что угодно. Но вы должны расстаться! – Надир жестко посмотрел на Сашу.

Саша молча открыл дверь и вышел из машины.

– Ты всё правильно сказал, – нагнулся он к Надиру. – И про род, и про деньги, и даже про Андрея. Но времена изменились, и люди тоже! Всё чаще они сами решают свою судьбу! Я скоро приду к твоему отцу и буду просить руки Алтынай. Вот там всё и решим. Все вместе. А не тут вдвоем!

Он закрыл дверь.

Надир перегнулся через пассажирское сиденье и опустил ручкой боковое стекло.

– Знаешь, в чём твоя проблема? – он с сожалением покачал головой. – Ты остался там, в прошлой жизни! А времена действительно изменились. И очень сильно!

* * *

Саша шёл домой, не разбирая дороги. Он вдруг отчетливо понял, что давно хотела, но так и не решилась спросить его Алтынай, и откуда у нее появился этот оценивающий взгляд. Она хотела узнать: готов ли он жить по правилам нового времени? Или он навсегда останется в прошлом?

Призрак катастрофы, еще вчера маячивший на горизонте, вдруг оказался на расстоянии вытянутой руки.

Глава 12

В тот же вечер Саша посадил мать напротив себя.

– Не знаю, с чего начать, – он посмотрел в ее глаза.

Мать устало улыбнулась:

– Да я догадываюсь, о чём пойдет речь! Все мы в свое время не знали, как начать разговор с родителями о своих избранниках. Речь ведь о свадьбе?

– Правильно! – подтвердил Саша. – И что ты скажешь на это?

– Ну что я могу сказать? – задумалась мама. – Алтынай хорошая девочка. Правильная. Не вертихвостка какая-нибудь! И образование получила.

Она немного помолчала.

– Но вот то, что она... – мать виновато посмотрела на него, – казашка... Это может вылиться в большую проблему. Может быть, даже в непреодолимую!

Саша молча ждал продолжения.

– Я много лет прожила рядом с казахами и хорошо знаю их порядки. В смысле женитьбы, семейной жизни, места казашки в семье и так далее. В этом плане нас разделяет не только разрез глаз! У нас ведь как? «...оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть». Так в Библии. То есть семья – это отдельно от всех. Не поладили с тещей или свекровью – разбили горшки и разошлись. Живут так, как считают нужным. А у казахов совсем не так! Для них родители, бабушки, дедушки, тети, дяди, братья, сестры – это святое! Тебе придется жить не только с ней, но и со всей ее родней. У них даже по Корану семья имеет три значения: маленькая семья – супружеская пара с детьми; средняя семья – это маленькая семья плюс родственники; большая семья – это средняя семья плюс община, род! Так сложилось исторически. В степи по-другому не выживешь! Это тебе не лес с речкой, полные всякого зверья и рыбы. Хочу – один живу, хочу – с родней! – она тяжело вздохнула. – Тебе, с твоим независимым характером, будет очень трудно с этим всем мириться. Конечно, можно сказать всей ее родне: нет! Или уехать, в конце концов! Но пойдет ли на это Алтынай? Ее с детства воспитывали в подчинении воле родителей. Это у нее уже в крови.

– Какой-то другой мир! – ошеломленно сказал Саша. – Никогда бы не подумал, глядя на друзей-казахов, что у них всё совсем по-другому!

– Да нет, Саша! – вздохнула мать. – Не по-другому! Все люди одинаковые. Понятия о доброте, совести, подлости, дружбе и всём прочем, что у них, что у нас – одинаковые! Но вот что касается создания семьи, у них всё очень жестко! Есть, правда, у них и другие отличия. Ты, наверное, и сам заметил, что они намного аккуратнее относятся к словам. Не так, как мы: походя обругал и пошел дальше. Нам бы стоило у них поучиться этой сдержанности. По-другому они относятся и к старикам. Для них аксакал – это закон. И это очень правильно. Может, он что-нибудь и думает о тебе плохое, но никогда тебе этого не скажет. Недаром говорят, что восток – дело тонкое.

– Мам, ты мне о них так рассказываешь, будто они инопланетяне, – улыбнулся Саша. – Я же с ними всё детство рядом провел. Ну дашь кому-нибудь из них подзатыльник, а он тебе, и всё, через пять минут снова друзья не разлей вода!

– Так то в детстве! – вздохнула мать. – А то во взрослой жизни. Так что думай, Саша! Тебе решать. Хотя я понимаю, что у вас далеко зашло. Шутка ли, вместе уже больше десяти лет! Справедливости ради должна тебе сказать, что лучше жениться на своей. Вон их сколько симпатичных ходит по поселку. Но, видимо, Бог распорядился по-другому. Если тебе надо мое согласие или, как говорят, благословение, то я его тебе даю! Про деньги мы уже раньше говорили. Корову можно продать, да и родственники помогут.

Саша обнял мать и поцеловал ее в щеку. Она обмякла от этой неожиданной ласки.

– Мамуль, а откуда ты всё это знаешь? – он улыбнулся. – Ну, Библия, Коран... Ты же была комсомолкой! Партия сказала: «Надо!» – комсомол ответил: «Есть!» Религия – опиум для народа!

– Из жизни, сынок! Из жизни, – она вздохнула. – Если ты помнишь, у нас в молодости были друзья-казахи. Папа нас тогда возил к ним в аул, в гости.

Еще бы не помнить! Как сейчас, перед Сашиними глазами встала картина. Они сидят перед юртой. Уже поздний вечер. Небо усыпано миллиардами звезд. Рядом с юртой, на печке, сложенной из крупных камней, булькает казан, полный сваренного бараньего мяса. Запах – сногшибательный!

На застеленной клеенке стоит большое блюдо с бешбармаком. Папа с дядей Муратом, местным чабаном, о чём-то оживленно беседуют за бутылкой водки, мешая русские слова с казахскими.

Мама с тетей Айбике тихо шепчутся о чём-то своем, выкладывая крупные куски мяса на блюдо.

Саша с сестрой Верой, ословелые от вкусной еды и свежего степного воздуха, почти спят, прижавшись друг к другу.

Тетя Айбике с улыбкой налила им по полной пиале кумыса:

– Попейте перед сном, – она погладила их по головам. – Полезно после бешбармака.

Саша, думая, что это молоко, залпом выпил всю пиалу. Резкий, кислый вкус кумыса перехватил горло. Саша еле успел отбежать от юрты. Его вывернуло наизнанку! В десяти метрах от него то же самое делала его сестра.

Родители смеялись, глядя на них, а дядя Мурат ругал тетю Айбике на казахском. Та виновато, с жалостью смотрела на Сашу и Веру, потом налила им горячего сладкого чая и выложила гору баурсаков.

Сколько лет прошло, а Саша до сих пор помнил вкус того чая с баурсаками.

Потом их положили в юрте спать, и они заснули среди кучи подушек и одеял. В юрте стоял стойкий запах кошмы.

Саша пролежал полночи без сна и вспоминал об Алтынай. Он никогда не думал об этой стороне ее жизни. Да они никогда об этом и не говорили. Правда, иногда она говорила, что у отца в семье непререкаемый авторитет. Ну так это и правильно, считал Саша. Он же мужчина! Как содержать семью, не имея авторитета? И не важно, какая это семья – казахская или русская!

«Может, не всё так страшно? – успокаивал себя Саша. – Живут же в поселке смешанные семьи! Он русский – она казашка, или наоборот. Так же живут, как все: сходятся, расходятся». Саша был уверен, что они с Алтынай в состоянии решить эти проблемы. Однако после сегодняшнего разговора с Надиром перед ним вдруг встали непреодолимой стеной два фактора: родительское несогласие семьи Алтынай на их свадьбу и деньги!

На следующий день он позвонил Алтынай и попросил ее предупредить родителей о том, что он придет к ним в субботу. Свататься.

Глава 13

В среду Саша проработал до темноты, выполняя срочный заказ. Иначе надо было выходить в субботу. Он шел домой в темноте, мысленно прокручивая в голове будущий разговор с родителями Алтынай. Недалеко от дома его встретили. Их было трое. Саша сначала не понял, сколько их. Они оторвались большим темным пятном от палисадника и перегородили ему дорогу. Потом пятно разделилось на три фигуры. Один встал прямо перед ним, двое по бокам: чуть слева и чуть справа. Таким образом, Саша оказался в полукольце. На мгновение хищная троица замерла. Их намерения не вызывали у него никаких сомнений.

Первую же мысль о побеге Саша отбросил сразу. Он даже не успел бы развернуться, как они бы его схватили. Одолеть троих было невозможно, это не голливудский боевик! Их лица было не разглядеть – луны на небе не было.

«Надо вырубить хотя бы одного, тогда появится шанс убежать от двоих», – с каким-то хладнокровием подумал Саша. Парализующий страх куда-то исчез.

Саша протянул левую руку фигуре перед ним и сказал:

– Привет!

Троица опешила. Это дало ему пару секунд для дальнейших действий. Саша отставил правую ногу назад и оперся на нее. Одновременно он согнул правую руку в локте и сжал пальцы в кулак.

Парень, стоящий перед ним, видимо, понял, что происходит, и стал разворачивать свой корпус боком. Однако было поздно!

Саша со всей силы выбросил правую руку вперед и нанес парню страшный удар в солнечное сплетение.

Этому удару его научили на бесконечных тренировках в погранвойсках.

Это был коварный удар! Он выключал противника на долгое время. Острая боль парализовала дыхание, человек терял ориентацию в пространстве, глаза слепли. Некоторые теряли сознание от такого удара.

Парень издал утробный звук и стал валиться набок, схватившись за живот.

Саша начал возвращаться на исходную позицию, когда парень, стоящий слева, нанес боковой удар ему в голову.

Удар был очень сильный и пришелся прямо в висок. В голове как будто взорвалась бомба.

Саша, как в замедленной съемке, начал падать на правый бок. Цепляясь угасающим сознанием за происходящее, он автоматически сжался на земле в калачик, закрывая руками лицо, а локтями живот.

Этот автоматизм им вбивал в головы старшина на уроках рукопашного боя в учебке.

– Оставьте живот открытым, – он делал презрительное лицо, – разобьют печень кованными сапогами. В лучшем случае месяц будете харкать кровью, в худшем – останетесь инвалидами!

На Сашу посыпался град ударов ногами в область живота. Потом от ударов затрещали кости спины.

Сквозь туман он услышал лихорадочный шепот:

– Только не по почкам!

Послышались звуки борьбы и ругань на казахском языке.

Уже теряя сознание, Саша услышал женский крик. Это был крик раненого животного, полный ярости и боли!

«Алтынай!» – молнией пронеслось у него в мозгу, и он провалился в темноту.

Саша медленно стал возвращаться в сознание. Как сквозь вату, он услышал лай собаки, топот ног, потом вспыхнул свет в окнах дома. Он почувствовал, что его куда-то несут, и снова потерял сознание.

Очнулся он от резкого запаха нашатыря. Увидел над собой испуганное лицо тети Вали, соседки через три дома от них.

– Господи! Что же это делается?! – запричитала она. – Просто звери какие-то! Может, вызовем скорую? – куда-то повернула она голову.

– Не надо скорую, – прохрипел Саша. – Не приедет она. Некому там ехать! – он вспомнил санитарную машину на пеньках.

– Вот бардак! – снова запричитала тетя Валя. – Человека, можно сказать, убили, а у них ехать некому!

– Валентина! – рыкнул на нее муж, дядя Витя. – Что ты несешь? Убили, зарезали... Иди-ка холодной воды принеси, видишь, у него всё лицо в крови! Черт! Льда нет! Вон как все лицо опухать стало. Ты как, Саша? – склонился он к парню. – Не тошнит?

– Немного подташнивает, дядя Витя! – Саша закашлял. Кровь с разбитых губ попала в горло.

– Может, в полицию? – вопросительно посмотрел тот на Сашу.

– Нет дядя Витя! Не надо в полицию. Это наши разборки.

– Ничего себе разборки! – хмыкнул тот. – Давно у нас такого не было! Ты их знаешь? – тихо спросил он, оглянувшись, нет ли поблизости жены.

– Да! – кивнул головой Саша.

– Ну дела! – покачал головой дядя Витя.

Они обтерли Саше лицо холодной водой. Тетя Валя подложила ему под голову еще одну подушку.

– Давай все-таки проверим, – опять подошел дядя Витя. – Вдруг перелом!

Он заставил Сашу сесть и принялся его ощупывать. Потом начал сгибать ему поочередно руки и ноги, приговаривая:

– Ну как, сильно болит?

Саша мотал головой: мол, терпимо!

Потом проверил языком зубы. Все были на месте. На разбитых губах запеклась кровь.

«Если бы не закрылся руками, – равнодушно подумал он, – как минимум передних зубов бы не было!»

Тетя Валя протерла ему разбитые губы перекисью водорода и засунула в кровоточащий нос турундочки из ваты.

– Ну, так-то лучше! – удовлетворенно вздохнула она.

Саша попытался встать, но у него закружилась голова. Дико заболели спина и левый бок.

Соседи вдвоем стащили с него рубашку, и тетя Валя снова ахнула.

Вся спина была как сплошной синяк!

– Ладно! – сказал дядя Витя. – Ты ложись, а я схожу к твоей маме. Аккуратненько скажу ей, что к чему. И без паники! – повернулся он к жене. – Весь поселок уже слышит твои причитания!

Тетя Валя заставила Сашу выпить какое-то обезболивающее лекарство, и он провалился в сон. Несколько раз он просыпался от тихого плача матери и шепота соседей. Тело постепенно отходило от шока и наливалось болью. Левый глаз и половина лица окончательно заплыли.

Он проснулся в шесть утра и, несмотря на резкую боль в спине, встал с кровати. Мать спала за столом, положив голову на руки.

– Мам! – он тихонько потряс ее за плечо.

Она испуганно вскочила:

– Ты что поднялся? Разве тебе можно?

– Уже можно, – успокоил он ее. – Пойдем домой, мам. Дома буду отлеживаться!

– А ты дойдешь? – с тревогой спросила она.

– Дойду, мам! Дойду. Не беспокойся.

Из соседней комнаты вышел дядя Витя.

– Не бойся Надя! – обратился он к маме Саши. – Я помогу. Если бы было сильное сотрясение мозга, он бы не встал. Не кружится голова? – посмотрел он на Сашу.

Тот осторожно покачал головой из стороны в сторону:

– Нет, вроде не кружится.

– Ну вот и хорошо. Пошли! – скомандовал он. – Валя! – крикнул он в соседнюю комнату. – Выйди, мы уходим!

Дома Саша осторожно разделся, отдал матери грязную одежду и лег.

– Надя! – дядя Витя повернулся к матери. – Его надо натереть лечебным настоем из трав, и это... налей ему двести граммов водки. Ему сейчас это очень поможет.

* * *

Саша проснулся, когда уже вовсю светило солнце. Голова была абсолютно ясная.

«Все-таки водка сделала свое дело», – подумал он.

Матери в доме не было. Она с утра побежала в аптеку.

Саша встал и еще раз ощупал тело. Болела только спина.

«Наверное, трещина в ребрах», – подумал он.

Он сделал несколько поворотов корпусом, потом немного поприседал. Пару раз резко наклонился.

Голова не кружилась, тошноты не было.

– Похоже, легко отделался! – с облегчением вздохнул он.

Саша подошел к зеркалу. На него смотрело оплывшее лицо с кровоподтеками. Возле глаз кожа расцвела букетом разных расцветок.

«Вурдалаки из фильма ужасов – красавцы по сравнению со мной», – иронично подумал он.

В дом вошла мать, неся за собой свежесть и звуки солнечного дня.

– Уже встал! – всполошилась она. – Не рано ли?

– Не рано, мам! – успокоил ее Саша. – Сейчас главное – больше двигаться, чтобы кровь не застаивалась. Завтракать будем?

– Конечно будем! – она засуетилась возле плиты.

Уже после того, как помыла посуду, мать села напротив сына и внимательно посмотрела ему в глаза.

Саша вздохнул:

– Ну давай, мам, выкладывай. Я же вижу, что ты еле сдерживаешься!

В ее глазах появилась мольба:

– Саша! Ну отступись ты от нее! Не принесет она тебе счастья. Оба будете страдать, и ничего у вас не получится. Ее родня не даст вам спокойной жизни. Поверь мне, я знаю, как это делается.

– А откуда ты знаешь, что это из-за Алтынай? – спросил Саша.

– Ай! – она досадливо махнула рукой. – Полпоселка это знает!

– Значит, тетя Валя сказала? – Саша пытливо посмотрел на мать.

– Да при чём здесь тетя Валя? Что в нашей деревне можно скрыть?!

«Действительно, – подумал он. – Не тетя Валя, так какая-нибудь тетя Дуся. Мать здесь абсолютно права».

Саша вздохнул и поднялся из-за стола. Он подошел к окну и стал смотреть во двор. Солнце заливало всё вокруг ослепительным светом. В пыли купались курицы. Пес лежал возле своей будки и часто дышал, высунув розовый язык.

Саша повернулся к матери:

– Нет, мам! Если я сейчас убегу, поджав хвост, то я перестану себя уважать. Как потом жить без уважения к себе? – он помолчал. – А что я скажу Алтынай, когда встречу ее на улице? Мол, говорил одно, а тут такое дело, что совсем никак? Извини, мам, но нет!

На глазах матери заблестели слезы.

– Прости сынок! – тихо сказала она. – Я не заметила, как ты вырос и стал мужчиной!

– Да ладно тебе, – засмутился Саша. – Скажешь тоже! – он обнял мать. – Я немного полежу. Ладно?

– Полежи, полежи! – она грустно улыбнулась. – А мне в огород надо.

Саша лежал, смотрел в потолок и прокручивал в голове события вчерашнего вечера.

Конечно, парень, которого он ударил в солнечное сплетение, был братом Алтынай. В этом у Саши не оставалось никаких сомнений. Уже вчера, услышав крик Алтынай, он понял, кто перед ним.

Второй был Серик. Это тоже было ясно. Ругань на казахском точно подтвердила его голос.

А вот третий? Мозг отказывался в это верить.

«Не может этого быть, – думал Саша. – Ну не как не может! В то же время возглас «Только не по почкам!», хоть и прозвучал вполголоса, мог принадлежать только одному человеку – его другу. Куанышу. Саша с грустью стал вспоминать детство. Куанышбай Кадыров – такими были полное имя и фамилия его друга. Он появился у них в третьем классе. Его семья переехала в Степной из какого-то аула. Он был маленьким, худеньким, черным, как сгоревшая спичка, пацаненком. Саша сразу встал на его защиту от более крупных одноклассников. Глядя на Сашин решительный вид, местные забияки не рискнули проверять новенького «на слабó». И потом, в драках с завокзальными, Саша тоже оберегал его от крупных соперников.

Куаныш понимал это и интуитивно старался находиться рядом с Сашей. Одноклассники сразу решили, что добавление слога «бай» к его имени – это будет слишком жирно для такого сопляка. Они вначале стали звать его просто Колей, но это не прижилось, и они вернулись к его казахскому имени, но без добавления слог «бай».

И вот теперь Сашин друг детства встретил его вчера вечером в составе той троицы.

За этими невеселыми размышлениями Саша незаметно заснул.

Глава 14

На следующий день Саша уже помогал матери по хозяйству. Он отпросился с работы, сославшись на недомогание. Боль в спине прошла, опухоль на лице начала спадать, приобретая желтый цвет, шок от драки прошел. Он отдыхал за столом в саду под яблоней и смотрел на солнечные блики, порхающие по листьям деревьев.

Послышался скрип калитки. Мухтар застучал хвостом по коврику перед будкой. Саша повернул голову. По садовой дорожке шел Куаныш.

Еще не дойдя до стола, Куаныш с наигранной бодростью прокричал:

– Привет пострадавшим!

Он подошел и протянул руку для рукопожатия.

Саша молча смотрел на него и не делал никаких встречных движений. Куаныш смутился и неловко сунул руку в карман.

– Садись, – Саша кивнул на скамейку возле стола. – Что застыл?

Тот сел, вытащил пачку сигарет из кармана и закурил.

За столом установилось молчание. Видно было, что Куаныш находился явно не в своей тарелке!

– Ну как ты? – первым нарушил молчание Куаныш.

– Как видишь! – Саша повернул голову, демонстрируя синяки. – Фасад подпорчен, а так вроде всё нормально.

На лице Куаныша проявилось явное облегчение.

Снова молчание, только слышно чириканье воробьев и шелест листьев.

– Где Алтынай? – Саша посмотрел ему в глаза.

– Дома! Отец запер ее в комнате и не выпускает. Даже на работе договорился с акимом. Телефон отобрал.

– Круто, – усмехнулся Саша.

Опять повисло молчание. Оба не решались начинать разговор. Понимали: разговор будет тяжелый, определяющий их дальнейшие отношения.

– Ты зачем пришел? – первым начал Саша. – Ты же понял, что я догадался, кто был третий в вашей компании?

Куаныш кивнул. Мол, что тут догадываться?

Они снова замолчали. Было слышно, как жужжит муха, попавшая в паутину.

Потом Куаныш вздохнул и решительно посмотрел на Сашу:

– Всё было не так, как ты думаешь!

– Ну проясни, как было, – Саша показал на свое лицо. – Это я так, об косяк нечаянно!

Куаныш отвернул голову в сторону.

– Ладно тебе! – он запнулся. – Я не могу спать уже вторые сутки. Как вспомню тебя, свернувшегося калачиком, на земле, так... – он не закончил фразу и окончательно отвернулся.

Саша молча смотрел на него.

– Я понимаю, – продолжил Куаныш, – всё, что я сейчас скажу, для тебя будет пустым звуком, – его голос дрожал. – Но я должен это сказать! Да! Я был там третьим. Если бы я там не был, был бы другой. Кто? Я тебе не скажу! Но исход этой драки был бы совсем другим. Ты же догадываешься, почему на тебя напали? И кто напал? – он бросил острый взгляд на Сашу. – Тебя по-другому было не остановить... Тебя ведь предупреждали? – продолжил Куаныш. И сам же ответил: – Предупреждали.

– Я понял! – сказал Саша. – Мои почки остались целыми благодаря тебе. И, может быть, то, что ты говоришь, правда! Но, черт возьми, неужели ты не мог меня предупредить?

– А смысл? – повысил голос Куаныш. – Тебя бы встретили в другом месте и другим составом.

– Ну хорошо! – Саша тоже закурил. – Предположим. А как ты вообще влез в эту историю? Они что, не знали, что ты мой друг? – он помолчал... – Был!

Куаныш дернулся, как от удара.

– Конечно знали! В том-то и весь смак, что против тебя даже твои друзья. ... Наверное, уже бывшие, – глухо добавил он. – И потом, Атымбаевы мои родственники, хотя и дальние.

– Ну да! – хмыкнул Саша. – Святое дело! В общем, отказаться ты не мог?

Куаныш молча помотал головой.

– Получается, что ты не оправдал их доверие? Я же слышал, как ты оттаскивал Серика от меня, когда он самозабвенно пинал ногами по моим ребрам.

– Не оправдал! – согласно кивнул головой Куаныш.

– Ну и что теперь?

– Ничего! – пожал он плечами. – Они сами рады, что так всё закончилось. Хотя если бы не Алтынай, то... – он развел руками.

– Подведем итоги? – Саша затушил сигарету. – Я так понимаю, ты пришел сам по себе, не от них?

– Подведем! – согласно кивнул головой Куаныш.

– Значит так! Смотри, что в сухом остатке, – Саша чуть задумался. – Живет один парень в маленьком поселке. Он русский. Вернее, украинец. Там же живет девушка. Она казашка. Они любят друг друга и хотят пожениться. Нарожать детей, построить дом, работать – в общем, всё как у людей! Вся закавыка в том, что ее родители и весь их род не хотят, чтобы они создавали семью. Парень другой национальности, другой веры и к тому же бедный. Всё верно? – он бросил взгляд на Куаныша.

Тот кивнул: мол, всё верно.

– Они намекают парню, чтобы он отстал: мол, не по Сеньке шапка! Но парень не понимает таких простых вещей и лезет напролом. Тогда они собирают совет и решают встретить этого парня темной ночью и отметелить. При этом они подключают его друга детства, но своего родственника, к этой, так сказать, профилактической операции. Пока всё верно?

Куаныш опять кивнул головой.

– Но дальше всё идет не так, как задумано. Парню удалось, более-менее без потерь, избежать экзекуции. И он не собирается сдаваться! Более того, он обирается после поправки идти и просить руки этой казашки у ее родителей. Вот такой тупой оказался этот парень.

Куаныш молчал, ошеломленный простотой этого рассказа.

– Я хочу, чтобы ты передал своим новым друзьям, что меня может остановить только один человек. Алтынай!

Саша отвернул голову в сторону и стал смотреть на листву яблони. Куаныш сидел, опустив голову.

– Куаныш! – уже тихо сказал Саша. – Я потерял друга! Променял его, так сказать, на почки. Я не осуждаю тебя. Человек вправе делать свой выбор. Но он же должен как-то отвечать за это? Лучше бы ты отказался от участия в этой драке. Не думаю, что они пошли бы на крайние меры. Они хотели устроить мне показательную порку. Я своим ударом спровоцировал их на избиение.

Саша с грустью посмотрел на бывшего друга. Тот молчал.

– Знаешь, – Саша стал задумчиво смотреть куда-то вдаль. – У моего отца был хороший друг-казах. Я не знаю, где они познакомились и что их связывало. Тот казах был простой чабан, пас колхозных баранов. А отец работал шофером на грузовике. Но они довольно часто встречались и помогали друг другу. Я помню целые туши баранов к праздникам, а отец возил дрова и уголь к нему в аул. Помню, как этот дядя Мурат сидел на нашей кухне, сняв малахай и тулуп,

в котором ходил, казалось, и зимой, и летом. Они вели с отцом неспешную беседу за бутылкой водки. Отец немного знал по-казахски, а Мурат по-русски. Говорили они о простых вещах. Я тогда спрашивал маму: «А о чём это папа с дядей Муратом говорят весь вечер?» – «О жизни, сыночек, – вздыхала мама, – о жизни!» «Что можно так долго говорить о жизни? – думал я. – Всё и так ясно! Дом, работа, урожай, погода», – Саша помолчал. – А потом папа умер! Мурат привез на кладбище весь свой род. Человек десять! Они тихонько стояли в стороне и молились. Представляешь? Они, мусульмане, молились за неверного! Наверное, для них это был большой грех! Если бы это увидел их мулла, у них были бы очень большие неприятности, – и Саша помолчал, вспоминая эту картину на кладбище. – Понимаешь, мне трудно это выразить словами, но между людьми, а тем более между друзьями, должно быть что-то такое, – он пощелкал пальцами, – что выше, чем национальность, вера или деньги. Иначе в любой дружбе нет никакого смысла. Прости! – Саша встал. – Мне надо пойти полежать. Пока еще до конца не отошел.

– Обожди, Саша, – Куаныш вскинул голову. – Я пришел еще по одной причине. Вчера семья Серика приходила к Атымбаевым. Свататься. Серик пообещал отдать калым за Алтынай, – он внезапно покраснел. – Два миллиона тенге! Мне Надир потом хвастался. Это не считая свадебных подарков.

Саша опустил на скамейку и задумался.

– Жаль, меня не было на этом аукционе, – глухо проговорил он. – Хотя я бы проиграл, у меня таких денег нет.

– Зря ты так! – скривился Куаныш. – Калым – это неотъемлемая часть жизни нашего народа! Представь! – он немного заторопился. – В твоей семье родилась девочка! Не мальчик, а девочка. Мальчик – опора в старости своим родителям, продолжатель рода и прочее. А девочка? 17 лет – и фьють, – он махнул рукой в сторону. – Поэтому калым, если хочешь, это компенсация за более-менее обеспеченную старость. У вас же есть приданое? Это то же самое!

– Нет! – сказал Саша. – Не то же самое. Приданое родители невесты дают ей самой, и это помощь молодым. Кто победнее, у тех приданое поменьше. Кто побогаче – приданое побольше. Но женщину всё равно выдадут замуж! А у вас? Нет калыма – нет и невесты! Это как выкуп. Раньше я понимаю: степь, юрта, набеги соплеменников из соседнего жуза! Но сейчас? Дом, машина, счет в банке!

Он вопросительно посмотрел на Куаныша. Тот пожал плечами.

– Ладно, Куаныш! Ты в последнее время редко стал общаться с нами. Я понимаю: работа, то, сё. Может, еще что-то мешает. Спасибо, что не стал прятаться. Лучше прямого мужского разговора еще никто ничего не придумал. Может, мы еще вместе на рыбалку съездим. Передавай привет отцу с матерью.

Они оба встали со скамеек. Куаныш дернулся еще что-то сказать, но потом махнул рукой.

Он уже открыл калитку, когда Саша сказал:

– У меня к тебе последняя просьба! Скажи Алтынай, что я не смогу прийти в субботу: думаю, синяки еще не пройдут. Я приду в воскресенье!

Куаныш кивнул и закрыл за собой калитку.

«Вот еще один ушел. Третий по счету», – с тоской подумал Саша.

Глава 15

Саша подошел к настенному зеркалу. На него смотрел высокий, смуглый парень в сером костюме и белой рубашке. Худощавое лицо, прямой нос, карие глаза. Украинская кровь пробивалась в виде густых черных волос на голове и немного широковатых густых бровей.

Опухоль спала, лицо приобрело нормальный вид, только левый глаз был обрамлен желтоватым кругом, но это не бросалось в глаза.

Было воскресенье. Через полчаса он должен быть в доме Алтынай.

– Может, галстук? – подошла к нему мать. У нее через руку было перекинуто несколько галстуков.

– Нет, мамуль! Я в галстук чувствую себя каким-то павлином.

– Ну ладно, – вздохнула она. Потом протянула сыну маленькую иконку. – На, возьми, она тебе поможет!

– Мам, ты что? – Саша с изумлением посмотрел на нее. – Я же иду к мусульманам! Какая иконка?

– Ты к людям идешь, а не к мусульманам! – строго сказала она. – Пусть Бог разбирается, кто есть кто!

* * *

– Салам алейкум! – поздоровался Саша, переступив порог дома Алтынай.

– Алейкум ассалам! – ответил ее отец, Кенесбек Атымбаев.

Остальные сидели, не поднимая глаз. Всё семейство было в сборе.

– Проходи, садись, – отец Алтынай протянул руку в сторону скамейки возле стола.

Саша разулся и осмотрелся, ища тапочки. Тетушка Рая поспешно достала из-под шкафчика тапочки и молча протянула их Саше. Он прошел и сел к столу. Громко тикали настенные часы, билась об оконное стекло муха.

Алтынай сидела в левом углу, судорожно сцепив пальцы в кулак. Ее бледное лицо было опущено вниз.

Надир сидел рядом с отцом и равнодушно смотрел в сторону. Тишина стала непереносимой!

– Ну что же, Саша, говори, раз пришел, – и Кенесбек повернулся к дочери: – Выйди-ка, Алтынай, пока мы тут побеседуем!

– Нет! – твердо сказал Саша. – Извините, ата, пусть она слушает! Речь будет о ней.

– Ну хорошо! – нахмурился Кенесбек. – Может, это и к лучшему.

Он выжидающе посмотрел на Сашу.

Саша положил руки на стол и сцепил пальцы. От внутреннего напряжения на его лице стала проступать бледность.

– Ата! Я люблю вашу дочь, – он твердо посмотрел в глаза Кенесбеку. – Надеюсь, что она тоже любит меня. Я прошу у вас, – он посмотрел сначала на тетущку Раю, потом снова на отца Алтынай, – отдать ее мне в жены!

Краем глаза Саша увидел, как Алтынай сильно покраснела.

Кенесбек внимательно посмотрел на него.

– Значит, ты пришел свататься? – он криво усмехнулся. – А что же без соблюдения обычаев? И вот с этим? – он показал на синяк Саши. – Где твоя семья?

Саша почувствовал издевку в его словах.

– Ата! Вы знаете, что мой отец давно умер, – спокойно ответил он. – А мама решила не идти со мной, учитывая сложившуюся... э-э... ситуацию! Она считает, что лучше будет, если

говорить будут только мужчины. В нашей семье, кроме меня, мужчин больше нет. Так что вам придется обсуждать этот вопрос со мной.

– Ну хорошо! – вздохнул Кенесбек.

Он встал, подошел к окну и стал смотреть на улицу. Потом повернулся к Саше.

– Я скажу тебе нет! – и, чуть помолчав, повысил голос: – Твердое нет!

Боковым зрением Саша увидел, как Алтынай еще ниже опустила голову.

– И объясню, почему! – Кенесбек вернулся и снова сел за стол. – Алтынай у меня одна дочь. Так захотел Аллах, – он поднял глаза вверх. – И она воспитывалась как настоящая казашка. У нее все наши обычаи в крови, – он чуть помолчал. – Почитание отца с матерью, уважение к старшим, к своему роду. К нашим негласным законам и обычаям. Сейчас эти обычаи разрушаются. Особенно в городе! А ты знаешь, что происходит с народом, когда разрушаются его обычаи и законы? Недавно в городе трое молодых подонков, то ли пьяных, то ли обкуренных, избili пожилого человека, когда он сделал им замечание. Они били его лежащего. Ногами. И они, и этот пожилой человек были казахами! Когда такое было?

Саша невольно посмотрел на Надира. Тот медленно стал заливаться краской.

– В ауле их бы забили насмерть камнями. А их родителей вышвырнули бы из аула в степь, на погибель. А тут – мелкое хулиганство и 15 суток. Человека же не убили! Вот и получается; внешне они казахи, а внутренне – какие-то выродки! Я не хочу сказать, что в этом виноваты только русские. Но вы принесли на нашу землю пьянство, мат, пренебрежение к старости, хамство и обман. Поэтому я не хочу, чтобы у моей дочери был русский муж.

– Я украинец, – тихо возразил Саша.

– Да какая разница, – с досадой махнул рукой отец Алтынай. – Все вы одной веры. Вернее, ее видимости: на Рождество и на Пасху. А в остальное время вам на вашу веру наплевать! Вы живете на нашей земле как временщики, – Кенесбек провел ладонями по своему лицу. – О Алла бисмилла!

Все подавленно молчали.

– А теперь лично о тебе. Когда я встречал вашу пьяную компанию в поселке, у меня сердце кровью обливалось. Я представлял себе, как Алтынай тащит пьяного мужа домой через весь поселок.

Настала очередь краснеть Саше. Его лицо горело.

– А мои внуки? – продолжал бить наотмашь Кенесбек. – Кем они вырастут возле пьяного отца?

Саша попытался возразить, но Кенесбек выставил ладонь вперед:

– Обожди! Я еще не закончил. Что моя дочь получит, выйдя за тебя замуж? Твои 100 тысяч тенге в месяц? Это всё, на что ты способен? Что ваша семья будет кушать, когда она родит и будет вынуждена сидеть дома с ребенком? Да! У твоей мамы домик, огород, скотина. Всё, что она заработала с мужем за всю жизнь. Но твоих денег не хватит не только на вашу жизнь, но и на поддержание того, что есть. Ни один уважающий себя отец не отдаст свою дочь в такую нищету! Я обосновал свой отказ? – Кенесбек опять встал и подошел к окну.

Все молчали, подавленные нарисованной картиной. Оглушительно жужжала муха.

– Что-то еще нужно? Или и так всё понятно? – повернулся он к Саше.

– Более чем! – глухо проговорил Саша. – Но позвольте и мне сказать!

Отец Алтынай кивнул: мол, давай, оправдывайся.

Часы пробили час дня.

– По поводу земли и моего народа, – начал Саша. – Мы живем не на вашей земле. Мы живем на своей земле. В этой земле лежат уже три поколения моей семьи. Мои прабабушка и прадедушка пришли на эти земли, когда здесь была только степь. Вместе с ними пришли люди со всех концов страны – тогда СССР. Даже из Ленинграда. Нужно было построить в этой степи железнодорожный узел. А к нему поселок. В котором мы все сейчас живем. Ваш род

зимой уходил на юг со своими табунами овец и лошадей. Потому что зимой здесь была смерть. Минус 40, снег и бураны. Вы уходили от этой зимы. Я не осуждаю вас за это. Вы спасали свой народ от гибели. Но в это же время мои предки рыли в земле норы, которые назывались землянками, и продолжали строить эту проклятую железнодорожную станцию. Я извиняюсь за пафос, но по-другому не передать, что тогда творилось на этом месте, где мы с вами сейчас сидим. Людей не могли похоронить неделями, потому что нельзя было вырыть могилу. Ее надо было выдолбить в промерзшей земле. Теперь в этом поселке живете вы и ваши родственники. Вам не надо никуда уезжать зимой. Посмотрите на ваши мавзолеи и на наши кладбища. Ваших могил намного меньше, чем наших. Не потому, что вы меньше умирали. Вас просто здесь не было каждые почти полгода. И так по всему северному Казахстану. Спросите своих аксакалов, что они помнят об этих местах в то время? Голая степь, ковыль, и всё! Сейчас города, дороги, в том числе и наша железная дорога, заводы, электростанции и прочее. Всё это построили те самые люди, о которых вы сейчас говорили без всякого уважения. Сами бы вы ничего не построили. У вас не было на это денег, инженеров, ученых, рабочих и просто понимания, что нужно делать.

Саша замолчал от острого желания закурить.

– Да! Вы справедливо говорили о хамстве, пьянстве и прочем. Каждая нация болеет своим болезнями. На то есть свои причины, не будем об этом. И, как любая болезнь, это лечится. У вас тоже не всё благополучно. Иначе вы бы не убивали друг друга за женщин, воду, пастбища, овец и лошадей. Причем с жестокостью, которой бы позавидовали воины Чингисхана. И эти трое подонков били лежачего не из-за того, что рядом жили русские, а из-за того, что их мамы и папы не заложили в них те самые обычаи, о которых вы говорили.

Теперь обо мне! Смерть Андрея поставила точку в наших пьянках. Это была наша общая ошибка. Страшная! Андрей заплатил за это своей жизнью.

О моей работе и моей зарплате могу сказать, что вы правы на все сто. Я это понимаю и буду делать всё, чтобы Алтынай и мои дети жили не хуже других. Звучит неубедительно, но другого мне сказать нечего, – Саша встал. – Спасибо, ата, что честно высказали свое мнение. Прошу прощения у вас и вашей жены, если я чем-то вас обидел, это не преднамеренно. У меня к вам маленькая просьба: пусть Алтынай выйдет со мной во двор, мне нужно с ней поговорить. Всего пять минут! – поспешно сказал он, глядя на нахмурившееся лицо Кенесбека. – За пять минут ничего не изменится.

Тот кивнул головой, разрешая дочери выйти.

Уже на пороге он остановил Сашу:

– А почему Алтынай? У вас ведь в школе было много красивых девушек. И русских, и украинок, и других.

Саша немного подумал и повернулся к нему:

– Не знаю, ата! Это вопрос куда-то вверх, – он поднял глаза к потолку. – Или вашему Аллаху, или нашему Богу. Они там определяют, кому с кем жить и как продлевать свой род.

Саша повернулся и вышел. Улица встретила его ослепительным светом и птичьим гомоном.

Через пять минут из дома вышла Алтынай. Она шла по дорожке, не поднимая глаз. Не доходя метр до Саши, она остановилась и схватилась за поперечную планку забора. Глаз на него она так и не подняла.

Они постояли немного молча.

– Алтынай! – тихо произнес Саша и протянул к ней руку.

Она как-то беспомощно посмотрела на него и резко отодвинулась. Саша с тоской понял по этому движению, что она приняла решение. И какое это решение, он тоже понял. О чём-либо спрашивать ее не было никакого смысла.

– Прости меня, Алтынай, что тебе пришлось пройти тяжелое испытание, – он перевел дыхание. – Но мне нужно было знать твое решение. Не их. А твое!

Он замолчал и стал смотреть на ее лицо.

Она по-прежнему не поднимала глаз, только ее руки продолжали судорожно сжимать планку забора. Ее ноги стали подкашиваться.

Стукнула дверь дома. На пороге в нерешительности застыла тетушка Рая.

– Подойдите, пожалуйста к нам, – попросил ее Саша. – Алтынай не очень хорошо себя чувствует! Мы уже закончили.

Та подошла и обняла дочь.

– Я хочу вам сказать, – медленно произнес Саша, – что вы очень хорошо воспитали свою дочь! Нет, нет, – вскинул он ладони вверх, увидев недоверчивый взгляд женщины. – Я это говорю совершенно искренне, без иронии.

Они повернулись и пошли в дом. Саша смотрел им вслед. Уже возле порога Алтынай по-детски заплакала и уткнулась лицом в плечо матери.

Та что-то ласково стала ей говорить по-казахски. Потом хлопнула дверь.

Всё!

Саша понял, что именно в эту минуту и в этом самом месте судьба развела их жизни в разные стороны.

* * *

Ноги сами привели Сашу на их любимое с Алтынай место в степи.

Он лег на траву и стал смотреть в небо. Там так же на огромной высоте кружил беркут. Возле уха жужжал шмель, что-то шуршало в траве. Голова была пустая. Мыслей не было никаких.

Потом, мысленно, он стал загибать пальцы на правой руке: «В октябре прошлого года ушел Андрей, спустя пару недель – Игорь, позавчера – Куаныш, час назад – Алтынай».

Какой-то злой рок висел над их компанией!

«Что же осталось? – Саша стал загибать пальцы на левой руке. – Мама – раз, Олег – два. И?.. Всё!»

Его замутило.

«Да!.. Еще степь!»

О степи он думал, как о живом существе. Как-то, сидя в автобусе, возвращаясь из города домой, Саша думал, глядя на пейзаж за окном. Там была плоская равнина рыжего цвета, с островками зелени. Не за что глазом зацепиться!

Саша видел уже, будучи в армии, горы, покрытые блестящим снегом, море с его вечным шумом набегающих на берег волн, леса с тенистой прохладой. Всё это сильно впечатляло! Всё было огромным, вечным, завораживающим и... не получало никакого отклика в его душе!

«Ну что в ней такого? – недоумевал он, глядя на степь. – Пустота! Плоская земля внизу, купол неба сверху и ветер. Всё! Может, загадка кроется именно в этом открытом пространстве? – лениво думал он. – Недаром оно дает душе ощущение простора. А может, какая-нибудь особая энергия беспрепятственно пронизывает это пространство своими волнами, вызывая в душе беспричинный восторг? И когда эти волны проходят через человека, они зажигают в его душе какую-то лампочку, как в фонарике».

Он не мог всего этого понять. Как бы то ни было, но Саша разговаривал со степью, как с живым существом.

«Посмотреть со стороны, – думал Саша, – так это какой-то дурдом! Сидит человек и что-то бормочет, глядя в степь».

Он опять лег в своем новеньком костюме на траву и стал смотреть ввысь. Постепенно какое-то новое чувство стало им овладевать. Какая-то смесь тоски, пустоты, ненужности своего существования. Раньше такого чувства Саша не испытывал.

Он еще не знал, что это новое чувство называется одиночеством!

Ему вдруг непреодолимо захотелось вернуться в прошлое. Туда, где они с Алтынай лежали на этом самом месте после школьного бала. Туда, где не было ее родителей, где не было его сватовства, Серика с его калымом, ночной драки, разговора с Куаньшем. Туда, где у него, лежащего рядом с Алтынай, в душе было ощущение беспредельного счастья.

На него навалилось чувство огромной усталости. Саша сам не заметил, как уснул.

Сначала он почувствовал, как задрожала земля. Он испугано вскочил и увидел, как с юга в степи появилась черная полоса. Она стремительно увеличивалась в размере, и Саша понял, что это конница. Сзади нее висело плотное облако пыли. Оно стало быстро закрывать солнце. Раздался дикий вой, переходящий в боевой клич.

«Это же боевая конница среднего жуза!» – похолодел Саша.

Конница увеличила скорость с флангов и, образовав полукруг, понеслась на него. Он уже отчетливо видел лица воинов. Многие были одеты в кожаные чапаны с металлической защитой. У некоторых на головах были металлические шлемы с конскими хвостами. У других – малахай, подбитые лисьим мехом. У всех за спинами торчали луки, по бокам висели колчаны со стрелами и кривые сабли.

– Алга!¹ – пронесся по степи дикий вопль.

До Саши осталось метров пятьдесят. Он уже видел оскаленные в бешенстве лица воинов, пену, летящую с губ лошадей. Впереди этой лавы клубком катился ужас!

Над головами всадников вдруг возникла темная туча и стремительно понеслась в сторону Саши.

«Стрелы!» – словно молнией пронзило его.

Он резко повернул голову влево, потом вправо. Спрятаться было совершенно некуда. Вокруг была ровная, без единого бугорочка земля.

– Саша-а-а! – вдруг услышал он истошный женский крик.

Он ошеломленно обернулся и увидел, что к нему бежит Алтынай. Она летела, раскинув руки, как раненая птица. Почему-то она была одета в школьное платье.

– Стой! – в ужасе закричал Саша. – Назад! Алтынай, беги!!!

С глухим стуком стрелы стали пробивать его тело. Боли он почему-то не чувствовал! Одна стрела впиалась ему в горло.

– Алтынай, беги! – уже прохрипел он, пытаясь выдернуть стрелу из горла.

Саша попытался сделать несколько шагов в сторону Алтынай, но ноги у него не двигались.

В этот момент слева и справа от него пронеслись всадники с оскаленными зубами. Его обдало лошадиным потом, пылью и злобой. Над головой сверкнула сабля.

В последний миг Саша увидел, как лава обошла его с двух сторон и понеслась в сторону Алтынай. От лавы отделился крупный воин, одетый в боевой кафтан и шлем с конским хвостом. Он догнал бегущую Алтынай, наклонился над ней, легко, как перышко, подхватил и кинул поперек седла.

Раздался оглушительный свист, и конница стремительно умчалась вдаль. Почти мгновенно осела пыль, земля перестала дрожать, снова запели жаворонки.

Саша проснулся потный от страха. Сердце тяжелым молотом билось в горле. Он вскочил. Перед ним лежала пустая степь, солнце уже зацепилось за горизонт.

Алтынай в степи не было. Она исчезла!

¹ По-русски клич «Алга!» – это значит «Вперед!».

Глава 16

Прошло почти две недели после Сашиного сватовства. В поселке немного посудачили о том, что семья Атымбаевых выкатила арбуз Саше Чекранову. Конечно, никакой арбуз родители Алтынай не выкатывали. Да и нет у казахов такого обычая. Но некоторые особо рьяные кумушки возмущенно всплескивали руками: как же, стали титульной нацией! Теперь к казахам и на сивой кобыле не подъедешь!

Потом всё стихло, и жизнь в поселке покатила по накатанной колее.

Саша иногда вспоминал, как в тот вечер мать встретила его встревоженным взглядом. Она не стала ни о чём расспрашивать; и так всё было видно по его лицу. Саша тогда подошел к зеркалу. На него смотрело лицо с мертвыми глазами. Да и в следующие дни мать молчала, понимая, что сейчас выпрашивать, как прошло сватовство, – всё равно что сунуть горячий утюг в открытую рану.

Саша равнодушно ходил на работу. Так же равнодушно слушал Степкины хохмы. Ленка что-то пыталась сказать, но, глядя на Сашу, благоразумно замолкала и исчезала из цеха.

В конце недели мать попросила его отвезти посылочку сестре – с вареньем, курятиной, грибочками.

– Съезди в город, Саша, – сказала она, глядя почему-то в сторону. – Тебе полезно сейчас сменить обстановку. Прямо завтра и поезжай! Три дня погуляешь по городу. Ничего с твоей работой не случится!

Она быстренько сунула ему посылку и убежала в огород. Саша договорился с начальником цеха и уехал.

Он с удовольствием гулял по городу. Кустанай стал преображаться. Вместо красивого кинотеатра «Кустанай», который безжалостно снесли какие-то крутые бизнесмены из Алматы, возник торгово-развлекательный центр «Поиск». Центральную улицу, бывшую Ленина, а теперь Аль-Фараби, выложили красивой брусчаткой. Здание городского акимата украсили современным фасадом. Все дорожки и аллеи городского центрального парка также выложили красивой плиткой, поставили скамейки, фонари.

Бывшее здание обкома партии тоже облагородили. На нем появилась вывеска «Университет». От прилегающей к университету площади уходила вдаль широкая аллея с бассейном и фонтанами посередине.

Бывший кинотеатр «40 лет Казахстана» стал развлекательным центром. В нем разместили игровые автоматы и карточные столы, о чем свидетельствовала богато оформленная вывеска «Казино».

Новый строй начал давать свои плоды. По улицам бегали новенькие автобусы, везде звучала музыка, резвились нарядно одетые дети. Начали строить набережную реки Тобол. Город явно стал выздоравливать после уныния и безнадеги девяностых годов.

Саша искренне радовался этим изменениям и с горечью думал, что Степной так и спит возле своей железнодорожной станции и не известно, когда проснется. И проснется ли вообще? Может, его постигнет судьба тех многих деревень и поселков, в одночасье ставших не нужными ни республике, ни людям, ни времени. Они потихоньку умирали, покрываясь, как язвами, разрушенными, брошенными домами. С ними потихоньку умирали и люди, отдавшие свою жизнь этим деревням и поселкам.

Степной тоже может умереть. Конечно, не весь. Железнодорожную станцию нужно содержать. Но Степной строился в советское время. И тогда об экономической целесообразности большого поселка никто не думал. Люди просто съезжались сюда из окружающих деревень, убегая от опостылевших колхозов, и строились в Степном. А вся огромная страна обеспечивала этот поселок всем необходимым: вокзал, школа, больница, Дом культуры, мага-

зины, дороги, электроснабжение и прочее. Хотя для функционирования железнодорожного узла вполне было достаточно поселочка в пару тысяч жителей, а не десять тысяч, как это было в пятидесятые годы прошлого столетия. Но кто тогда думал о таких вещах?

Саша вернулся в воскресенье вечером. Мать подробно расспросила его про сестру, про жизнь в городе. При этом часто отводила глаза в сторону, но Саша не придавал этому значения.

Утром на работе обычно вечно искрящийся юмором Степка встретил его пытливым взглядом.

– Что, Степка? Случилось что-нибудь в цеху? – спросил Саша.

– Ничего не случилось, – тот сунул сигарету в рот. – Что тут может случиться? – потом помялся и добавил: – А ты что, ничего не знаешь?

– А что я должен знать? – в свою очередь спросил Саша.

– Ну как же? – Степка широко раскрыл глаза. – Алтынай-то с Сериком... Ну это... Свадьба была в эти выходные! Человек двести было. Съехались со всех аулов. Сейчас они, говорят, уехали в свадебное путешествие. То ли в Астану, то ли за границу, точно не знаю, – он затянулся сигаретой.

Саша боковым зрением увидел, как в цех впорхнула Ленка и застыла на пороге.

– Да? – Саша задумчиво посмотрел на кончик сигареты. – Ну что же, – равнодушно сказал он. – Как говорится, совет да любовь!

Весь день вокруг Саши ходили, как возле больного. Даже Степаныч, начальник цеха, распекал за что-то Степку вполголоса, что не могло прежде присниться и в дурном сне. Обычно от таких распеканий дрожали стекла.

Уже ночью, глядя в потолок, Саша стал оценивать свое состояние.

Он поразился своему равнодушию в ответ на эту новость.

«Хотя какая это новость? – лениво думал он. Видимо, его мозг включил защитную реакцию на крушение жизненных планов. – Ну, давай без эмоций! – Саша сел и потянулся за сигаретой. – Какое крушение? Ну ушла любимая девушка к другому! Ну и что? Да таких случаев пруд пруди! Какая-то Алтынай Атымбаева вышла замуж за какого-то Серика Юзбашева. И что? Мир рухнул? Как-то ведь все эти брошенные, как ненужный хлам, половинки нашли свою судьбу с другими половинками. Просто надо принять случившееся как жизненный зигзаг, от которого никто не застрахован. Нужно взять себя за шиворот и начать всё сначала», – уже засыпая, думал он. Только бы вытащить эту занозу, которая вонзилась в его сердце вместе со словами Степки...

* * *

В эту ночь ему приснился сон. В этом сне была Алтынай, но не на первом плане. На первом плане была Лиза. Их неосуществившаяся мечта. Их дочь. Саша сидел на берегу Убагана, в тени деревьев. На берегу реки были разбросаны редкие рощицы – любимые места отдыха сельчан.

Солнце лупило беспощадно, но Сашу это не беспокоило: деревья давали густую тень, и от реки несло прохладой. Он смотрел на спокойное течение реки и наслаждался тишиной.

Боковым зрением он уловил какое-то движение на поляне. Саша повернул голову. На поляне стояла девочка примерно трех лет. Она была одета в яркое цветное платье. Густые черные волосы были повязаны белой ленточкой.

Девочка стояла сначала неподвижно, глядя на него чуть раскосыми глазами, потом ее отвлекли бабочки, и она, радостно засмеявшись, принялась ловить их руками. Потом она с любопытством посмотрела на стайку птиц, облепивших высокий тополь, потом снова стала смотреть на Сашу.

Он огляделся вокруг. Кроме него никаких взрослых рядом не было.

«Странно! – подумал он. – Откуда тут может быть ребенок? Причем совершенно один».

Он встал и подошел к девочке. Однако расстояние между ними не уменьшилось. Саша сделал еще несколько шагов в сторону девочки и остановился. Ничего не изменилось! Девочка стояла так же шагах в десяти, как и прежде.

– А где твои мама и папа? – спросил Саша. – Почему ты одна?

– Почему одна? – ответила девочка. – Ты же со мной!

– Ну я же чужой дядя! – сказал Саша.

Девочка рассмеялась:

– Почему ты говоришь, что ты чужой дядя? Ты же мой папа!

У Саши побежали мурашки по коже.

– Ну хорошо! – сказал он. – Пусть я твой папа. Но где твоя мама? И как ее зовут?

Она удивленно посмотрела на него и присела, чтобы понюхать цветок.

– Ее зовут Алтынай, и она сейчас должна подойти. Но он сказал, что это зависит от тебя.

И она может не прийти сюда, а уйдет к другому папе.

– Кто он? – помертвевшими губами спросил Саша.

– Как кто? – снова удивилась девочка. – Мой ангел! Он еще сказал, что я ваша дочка. Твоя и Алтынай! Но я должна себя хорошо вести, иначе я не смогу попасть к вам, на землю.

– Так тебя Лизой зовут? – еле разжал губы Саша.

– Какой ты смешной, папа! – она потянулась к большому цветку. Ее рука прошла сквозь стебель, не встретив сопротивления. – Ты же сам сказал маме, что меня нужно назвать Лизой! Ой! – воскликнула она и погналась за большой, красивой бабочкой. – Как у вас на земле красиво! – она с восхищением обвела вокруг себя руками. – А там что такое движется? – показала она рукой в сторону Убагана.

– Вода! – сказал Саша. – Это называется река.

– Я хочу посмотреть! – она уже пошла в сторону реки, как вдруг резко остановилась и посмотрела вверх. – Ой! У меня кончилось время! Он зовет меня к себе. Значит, мама не придет, – она опустила голову. – Папа, попроси, пожалуйста, маму. Пусть она не идет к другому папе! Он не хочет девочку! Он хочет мальчика! А тогда я не попаду на землю. Как же у вас тут красиво! – она еще раз восхищенно огляделась вокруг. – Да, папа! – почти прошептала она. – Ангел сказал, что ты больше ни с кем не будешь счастлив, – и, уже полупрозрачная, спросила: – А что такое «ни с кем не будешь счастлив»?

Сильный порыв ветра качнул верхушки деревьев. Лиза исчезла.

* * *

Саша стоял и молча смотрел в окно. Было только пять утра. На востоке начинало алет небо. Первый раз в жизни он видел такое утро: абсолютно пустое, ни ветерка, ни пения птиц, ни шороха листьев. Бессмысленное утро!

Прошла неделя. Саша так же, на автомате, продолжал ходить на работу. Однозначно отвечал на вопросы Олега, Степки, Ленки и других собеседников. Степаныч старался лишней раз не донимать его своими требованиями. Саша молча помогал матери по хозяйству.

Единственное, что изменилось, так это то, что он снова стал слышать пение птиц. До этого все звуки доносились до него как сквозь вату.

Глава 17

Однажды вечером мать убрала посуду после ужина и села напротив Саши. Он, конечно, видел, что она ходит поникшая, с расстроенным лицом. Ему было жалко ее, но пока никаких слов для ее утешения он не находил.

– Что, мам? – устало спросил Саша. – Говори! Я же вижу, что ты давно хочешь мне что-то сказать.

– Я боюсь! – не поднимая глаз от стола, сказала она.

– Что ты боишься?

– За тебя боюсь!

– Зря боишься! – он внимательно стал рассматривать свои пальцы, сжатые в кулак. – Ничего со мной не будет!

– Знаешь, сынок, – она подняла на него измученные глаза, – когда умер твой отец, ты был маленький и ничего не понимал. Перед смертью он часто сидел на том же месте, где сидишь сейчас ты, и смотрел в одну точку. Точно так, как это сейчас делаешь ты.

Саша вопросительно посмотрел на нее:

– При чём здесь это, мам? Я не собираюсь умирать. А у отца была причина так себя вести. Он знал, что умирает от туберкулеза.

– Он умер не от туберкулеза! – глаза матери стали наполняться слезами.

– Как не от туберкулеза? – опешил Саша. – Ты же всегда говорила нам с сестрой, что от туберкулеза! Да и помню я, как врачи опрыскивали чем-то наш дом после похорон. Открытая форма туберкулеза. Очень заразная вещь! Нас всех тогда поставили на учет. Каждые полгода – рентген легких!

Он замолчал, требуя глазами ответа.

– Да! – вздохнула мама. – Всё верно! И про учет, и про рентген. Только из нашего поселка в туберкулезном диспансере, в городе, лежали десять человек. Все с открытой формой туберкулеза. Но умерли всего четверо, в том числе и твой отец. Остальные живут и сейчас. Постоянно подлечиваются, но живут. Врач потом объяснил мне, что твой отец не сопротивлялся болезни. Понимаешь, он сдался этой чертовой болячке! Врач сказал, что он бессилен, если больной не сопротивляется. Никакие лекарства не помогают в таком случае! Я уже тогда понимала, глядя, как он сидит и смотрит в одну точку, что он не жилец. И вот теперь ты! Саша! – она положила свои руки на его сцепленные в кулак пальцы. – На Алтынай жизнь не кончилась! То, что случилось с вами, в жизни бывает! И очень часто. Главное – не ломаться! Не сидеть вот так и не смотреть в одну точку. У тебя еще будут впереди такие ситуации, если не хуже. Ты еще очень молод. Что такое двадцать один год? – она махнула рукой. – Знаешь, какое самое трудное препятствие, которое приходится преодолевать человеку?

Саша грустно улыбнулся: мол, давай, просвети!

– Это он сам! – она горестно покачала головой. – Твой отец не смог преодолеть это препятствие, и умер.

Саша задумчиво посмотрел на нее:

– Мам! Тебе бы психологию преподавать в институте! Как же ты умудрилась всю жизнь просидеть в бухгалтерии на железке? Откуда ты всё это знаешь? Ты уже не первый раз удивляешь меня своими рассуждениями.

– Поживи с мое! Тоже станешь мудрым, как змея!

Они помолчали.

– Я бы еще хотела сказать пару слов об Алтынай. Если ты не против.

Саша кивнул, что не против.

– Мне искренне жаль эту девочку. Она хороший человек! Очень хороший, – мать помолчала. – Но ее ждет незавидная судьба! Жить с нелюбимым человеком – это пытка! У меня с твоим отцом всё было по любви. А вот у моей сестры, – она покачала головой, – всё не так! Не так сел, не так лег, не так сказал, не так ест. Не так, извини, пахнет! А спать с нелюбимым человеком... – она махнула рукой. – Ну, ты понимаешь, о чём я. Пытка вдвойне! Такие женщины очень рано становятся равнодушными к жизни. Они не следят за собой, их толком ничто не интересует. Они рано начинают болеть старческими болезнями. А всё потому, что был в жизни такой женщины парень или мужчина, предназначенный для нее сверху. Но она этого не поняла, или не услышала, или, как Алтынай, не смогла противостоять своей родне. Таких очень много. Если женщина по-настоящему любит, ей всё равно, кто ее любимый: казах, русский, украинец, мусульманин или православный. Ей всё равно, бедный он или богатый, умный он или не очень, какая у него родня. Она просто любит – интуитивно!

– Ну, мам, ты даешь! – рассмеялся Саша. – Выходит, женщина сама не выбирает? Что Бог дал, то и твое?

– Вот именно! – решительно сказала она. – Не выбирает! Если бы женщина или мужчина в таком юном возрасте выбирали, то есть отбирали бы по каким-то признакам свою половину, то большей части супружеских союзов просто не было бы. Ни одна некрасивая девушка, ни один парень ниже 160 сантиметров ростом, ни одна пара людей разной национальности не создали бы семью. Люди влюбляются и женятся вопреки этим различиям. Некоторые ходят годами, как вы с Алтынай, и ничего! А некоторые встретились в ночном поезде, а через неделю раз – и они уже муж и жена. И на всю жизнь. Где-то Господом Богом создается точка, к которой он ведет парня и девушку. И когда они встречаются в этой точке, появляется семья. Часто это точка называется первой любовью.

– Интересная теория! – покачал головой Саша. – Хотя что-то в ней есть. Я примерно то же самое сказал отцу Алтынай.

– Была бы интересной, если бы не коснулась тебя, – мать горестно нахмурила брови. – Ты подошел к этой точке один. Я не осуждаю Алтынай. Ей действительно трудно было пойти против своего рода. Ты, наверное, не осознаешь, через что ей пришлось пройти. Когда с одной стороны родители и род с их обычаями, а с другой стороны человек, которого она любит. Я бы не хотела оказаться в такой ситуации. Это как находиться между двух огней!

– Трех! – сказал Саша.

– Что трех? – не поняла мать.

– Между трех огней!

Она задумчиво наклонила голову к плечу.

– Деньги? – тихо спросила она.

– Да, деньги! – устало кивнул Саша.

Повисло молчание.

– Бедная девочка! – мать горестно поджала губы. – Она еще не знает, что золото очень быстро тускнеет.

– Да, мам! – Саша встал. – Что-то в этой небесной канцелярии в моем случае пошло не так, – он задумчиво покачал головой. – Совсем не так!

– Я тебя очень прошу, сынок, – она тоже поднялась со скамьи, – соберись с силами. Ты еще встретишь свою будущую жену! И у вас будут дети. А у меня внуки, – добавила она с мечтательной улыбкой на лице.

Глава 18

Саша снова засел за книги. Надо было что-то делать, кроме как лежать и молча смотреть в потолок. Придя с работы, он наскоро ужинал и до позднего вечера читал. Иногда часы отбивали два часа ночи, когда он закрывал книгу.

Однако сейчас он читал не просто для общего образования, а старался применить полученную информацию к конкретным условиям в поселке Степном. Потихоньку он начал понимать причины, по которым поселок не развивается. Он запросил у сестры статистические данные о развитии Кустанайской области. Читал историю развития края. Он узнал, как российский капитал пришел в эти края. Какие силы их развивали. Какие интересы вступали в борьбу за эту степь, с ее стадами скота, с ее полезными ископаемыми, с ее необъятными просторами.

У Саши захватывало дух, когда он начал познавать эту сторону жизни земли, на которой жили его предки. Как они вообще появились на этой земле? Он начал понимать, что лежит в основе благополучия любого города, поселка, деревни. Иногда по дороге домой он останавливался возле какого-нибудь домика и пытался понять, что думали люди в тот момент, когда они строили свой дом. О чём они мечтали в это время? Какие связывали надежды с этим домом? Почему его родной поселок затих в своем развитии? Почему он остановился? Почему из него стали уезжать люди? Почему они перестали связывать свое будущее со Степным?

От этих мыслей у него кружилась голова. Перед ним неотвратимо встал вопрос: «Что делать?» Он твердо решил на практике попробовать сделать хоть малую толику того, что прочитал в книгах.

Для начала надо сделать две вещи, понял Саша. Первое – определиться с делом, которое надо развернуть в поселке. И второе – найти единомышленников. По крайней мере, именно с этого начинали свою деятельность все те миллионеры и миллиардеры, о которых он читал в книгах.

В какой-то момент Саша понял, что он не силах один решить эту задачу. Нужен кто-то, с кем можно посоветоваться. С кем можно всё обсудить и что-то решить. Ведь все авторы этих умных книг жили и писали в странах с развитой рыночной экономикой. Там действовали совсем другие законы и правила. Даже отношения между людьми там были совсем другие.

Помощь пришла со стороны, от которой он подобного совсем не ждал. От матери!

Как-то, придя с работы, он застал ее за странным занятием. Она перебирала стопку его книг, открывая некоторые из них и внимательно вчитываясь.

– Ты что там изучаешь, мам? – усмехнулся Саша. – Хватит в нашей семье одного сумасшедшего!

Она серьезно посмотрела на него:

– А я могу помочь тебе разобраться во всей этой абракадабре.

Саша еще шире заулыбался:

– Ну и как ты это сделаешь?

– А я познакомлю тебя с одним человеком, – ее лицо оставалось таким же серьезным. – Это наш бывший главбух. Сейчас он на пенсии. Зовут его Арон Самуилович Кацман.

– Ого! – Саша перестал улыбаться. – Судя по фамилии, это серьезно!

– Еще как серьезно! – подтвердила мать.

В следующее воскресенье они были уже в гостях у главбуха. Он жил на окраине поселка, в маленьком, аккуратненьком домике. К дому, как и везде, примыкали сад и огород. Хозяйственных построек не было, кроме небольшого курятника.

Арон Моисеевич, низенький, толстенький человечек с венчиком седых волос вокруг лысины и пронзительными серыми глазами, раскинул руки:

– Надюша! Милая! Здравствуй, радость моя! Что ж без предупреждения? Моя Катя приготовила бы что-нибудь вкусенькое. А это твой сынок? – кивнул он на Сашу. – Красивый парубок! – одобрительно хмыкнул он. – Ну проходите в сад, вон туда, к столу под яблоней. Сейчас мы чайку организуем. Катя! – крикнул он в открытую дверь дома. – У нас гости!

Из дома вышла худенькая, абсолютно седая женщина в аккуратном платье и с улыбкой заспешила к ним.

– Здравствуй, милая! – обняла она мать. – Сколько лет, сколько зим... Забыли нас все! Раньше через день с работы бегали к Арону. То это помоги, то это объясни. А теперь уже два года – никого! Ну, Бог им судья! – вздохнула она. – Садитесь, я сейчас!

Она заспешила в дом.

– Ну-с! С чем пожаловали? – спросил Арон Моисеевич, когда все расселись вокруг стола.

– Да вот! – мама кивнула на Сашу. – Интересуется он нашей профессией. Но немного под другим углом, – добавила она. – Вы бы помогли ему, если вам не трудно.

– О чём это ты, Надюша? Конечно не трудно! Сидеть без дела оказалось трудно. А языком болтать – когда это было трудно?! Давайте познакомимся. молодой человек, – он протянул руку Саше. – Арон Моисеевич Кацман! Для вас – дядя Арон. Ну а вас зовут Сашей, если я правильно помню? – он склонил голову набок, изучая Сашу внимательным взглядом.

– Да! – кивнул Саша, пожимая протянутую руку. – Правильно помните.

Жена Арона Моисеевича принесла на подносе чайные чашки, корзинку с домашней выпечкой, сахарницу. Потом подоспел пузатый чайник.

Они попили чай, немного поговорили о старых делах. Потом Сашина мама встала:

– Ну, вы тут поговорите, а мне надо бежать. Хозяйство не будет ждать, пока я тут нагуляюсь.

Они еще раз обнялись с женой Арона, и мама ушла. Следом, захватив пустые чашки, ушла и жена Арона.

– Ну-с! – Дядя Арон внимательно посмотрел на Сашу. – Что вас интересует, молодой человек?

– Дядя Арон! – взмолился Саша. – Давайте просто Саша и на ты! Мне неудобно так официально!

– Давай! – согласно кивнул тот.

Саша вкратце рассказал, в чём проблема, перечислил прочитанные книги, авторов, темы.

– Всё, в общем-то, понятно, – подытожил он свой рассказ. – Но это теория. И это там, на Западе. А мне надо понять, как это будет действовать здесь, в Степном. Ведь недаром говорят: «Что немцу хорошо, то русскому смерть!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.